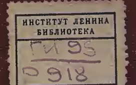
Рубинштейн
К истории
УЧРЕДИТ.
собрания

Ц. 75 к.

Н. Рубинштейн

К истории учредительного собрания

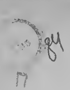
Государственное социально-экономическое издательство 1931

Н. Рубинштейн

К истории учредительного собрания

Государственное
социально-экономическое
издательство
Москва 1931 Ленинград

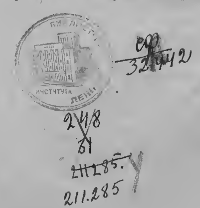

Отпечатано в 3 типографии Огиза
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ"
Москва, Краснопролетарская, д. 16,
в количестве 5 000 экземпл.
Уполн. Главлита № Б—847.
С—51 Огиз № 6
Зак. № 2279
8 п. л.

☆

Апрель 1931 г.
Редактор *Г. Е. Рейхберг*
Техред *А. В. Лавров*

П Р Е Д И С Л О В И Е

«Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября,—писал т. Сталин,—состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов» (И. Сталин, Октябрьская революция и тактика русских коммунистов). История Учредительного собрания является блестящей иллюстрацией этого положения.

Руководимая стратегией Ленина партия на путях и поворотах между февралем 1917 г. и январем 1918 г. сумела разбить фетиш Учредительного собрания. Этой стратегии и тактики большевиков не могли понять ни правые оппортунисты, пошедшие в 1917 г. на поводу у сухановцев, ни Троцкий.

Противопоставленный Октябрьской революции и власти Советов лозунг УС был использован меньшевиками и эсерами как орудие буржуазно-помещичьей контрреволюции. Еще в 1917—18 гг. с.-р. и меньшевики решили для себя вопрос о поддержке интервенции и приемлемости военной диктатуры. «Вопрос о методах борьбы есть вопрос исключительно целесообразности и соотношения сил... безразлично, какая будет правительственная комбинация», говорил в декабре 1917 г. Л и б е р, выступая за предоставле-

ние всей власти Учредительному собранию и призывая к свержению диктатуры пролетариата.

Тактика меньшевиков-интервенционистов, разоблаченная на Московском процессе имеет за собой четырнадцатилетний исторический стаж.

Как отражалось в сознании масс столкновение между буржуазной демократией и прокладывавшей себе путь к победе пролетарской диктатурой,—вот проблема, которая главным образом заинтересовала автора.

Настоящая работа не претендует на исчерпывающий охват темы. Это—скорее «очерки», связанные единым планом.

В основу работы легли статьи, напечатанные в 1928 и 1929 гг. в журналах «Историк-марксист», «Пролетарская революция», «Красный архив».

По мере возможности автор использовал также литературу, вышедшую в 1930 г. Досаднее всего то, что материалы, исключительная ценность которых для освещения разрабатываемой темы не подлежит сомнению,—я говорю об архиве фракции с.-р. Учредительного собрания, обнаруженном в Академии наук,—не могли быть использованы.

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

«Вопрос об Учредительном собрании и его разгоне большевиками,—писал Ленин,—...вопрос действительно интересный и важный, ибо соотношение буржуазной и пролетарской демократии здесь предстало перед революцией практически»[1].

История УС помогает понять весь ход исторических событий на протяжении марта 1917 г.—Октябрьской революции и начала гражданской войны. Сложный классовый переплет, диалектика революционного процесса, как в капле воды, отразилась в эпопее русской конституанты. Исторический анализ УС показывает политические уроки Октябрьской революции. Столкновение буржуазной демократии и пролетарской революции в 1918 г. стало достоянием опыта международного пролетариата. Недаром Ленин писал, что «сопоставление выборов в Учредительном собрании к ноябрю 1917 г. и развития пролетарской революции в России с октября 1917 г. по декабрь 1919 г. дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны»[2]. Тактика большевиков в вопросе об УС интернационализировалась—на ее основе возникли важнейшие решения Коммунистического Интернационала о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. Этим тактическим опытом несомненно будут руководство-

---

[1] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 476.
[2] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 455.

ваться коммунистические партии тех стран, для которых прошлое русской революции до сих пор остается будущим. «Общий ход пролетарской революции одинаков во всем мире,—писал Ленин.—Сначала стихийное образование советов, затем их распространение и развитие, далее—появление на практике вопроса: Советы или Национальное собрание, или Учредительное собрание, или буржуазный парламентаризм».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Кадеты

Позиция русской буржуазии и ее представителя—партии к.-д. в вопросе об УС определялась отношением к революции вообще. Сторонники ответственного министерства в первый день революции, кадеты, ограничивались в первое время требованием установления регентства. Бурное развитие революционных событий переместило их позицию левее. Меньше чем через месяц после февральского переворота кадеты рекомендовали себя в качестве исконных защитников УС. Съезд партии народной свободы, происходивший в конце марта, обсуждая вопрос об УС, не подверг ни малейшему сомнению самую необходимость его созыва—настолько бесспорной казалась эта тема для новоявленных республиканцев.

Причину такого сдвига кадетов не трудно было установить. Уже первое столкновение Милюкова с вооруженными рабочими и солдатами в Таврическом дворце по вопросу о власти должно было показать новому министру иностранных дел и его сотоварищам по центральному комитету к.-д. партии, что без формального, по крайней мере, отступления перед революцией обойтись нельзя. Истинные мотивы перемены фронта вчерашними конституционными демократами были, конечно, скрыты, а «для публики» наскоро изготовили необходимые комментарии.

Так, например, по разъяснению Соколова, возражения против созыва УС должны были отпасть уже потому, что «единственный возможный претендент—Михаил Александрович—признал УС. Таким образом юридический мостик между царем и УС—кадеты настойчиво заботились об «узаконении» революции—был проложен. Оставалось лишь вбить «исторические» сваи—задача, которую постарался выполнить тот же автор.

«Партия к.-д.,—докладывал К. Соколов,—еще в 1905—1906 гг. требовала созыва УС. Но самодержавие выдер-

жало натиск революции, и поэтому II съезд партии к.-д. уточнил это требование, разъяснив, что в «употреблении партии термин УС означает собрание народных представителей с учредительными функциями, созванное для составления основного закона, а не собрание, облеченное всей полнотой власти»[1]. Вызвав на миг тень «властной думы», К. Соколов приходил к тому выводу, что после революции, которая уничтожила «компромисс» 1905—1906 гг., необходимо полновластное УС. Но, соглашаясь на созыв УС, кадеты не только постарались сделать из нужды добродетель. Они поставили своей задачей эксплоатировать лозунг УС в интересах русской буржуазии—эта задача и определяет отношение к.-д. к УС на всем протяжении февральской революции.

Вопрос об УС был сразу же поставлен кадетами в строгие рамки «законности». Под прикрытием требования «законности» к.-д. стремились решить один из важнейших вопросов—о сроке созыва УС. Резолюция VII съезда партии «народной свободы» считала нужным созыв УС «в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю». Гарантии же эти в истолковании к.-д. сводились к прекращению «анархии» и установлению «порядка» в стране. Перспектива созыва УС в дни революционных потрясений к.-д. не улыбалась. Именно поэтому многие делегаты VII съезда партии народной свободы точно так же, как и ряд торгово-промышленных организаций, высказывались за созыв УС после окончания войны. Руководители партии были более сдержаны. Докладчик по вопросу об УС на VII съезде к.-д., Кокошкин, считал невозможным созыв УС в разгар военных действий. Ссылаясь на необъятные пространства России, разнообразие условий в стране, на трудности составления избирательных списков и проведения предвыборной агитации, он относил срок созыва УС предположительно к концу лета.

Истинные мотивы отсрочки УС поведал—уже после Октябрьской революции—В. Набоков. «Как можно было,—писал он,—организовать выборы в России, сверху донизу потрясенной переворотом, в России, еще не имеющей ни

---

[1] «Вестник партии народной свободы», 1917 г., № 1, 11/V, К. Соколов, Учредительное собрание.

демократического самоуправления, ни правильно налаженного местного административного аппарата. А выборы в армии... Но, конечно, самый огромный риск заключался бы в самом созыве УС. Наивные люди могли теоретически представлять себе это собрание и роль его в таком виде: собралось бы оно, выработало бы основной закон, разрешило вопрос о форме правления, назначило бы правительство и облекло его всей полнотой власти для окончания войны, а затем разошлось бы... Это можно себе представить, но кто поверит, что так в самом деле могло случиться? Если бы до УС удержалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы несомненно началом анархии... Если бы Временное правительство чувствовало подлинную реальную силу, оно могло бы сразу объявить, что созыв УС произойдет по окончании войны» [1].

Вопрос о месте созыва УС также явился предметом обсуждения в кадетских кругах. Буржуазия уже в марте 1917 г. боялась революционного Петрограда и возлагала свои надежды на Москву. Слабые возражения против созыва УС в Москве по техническим соображениям (неприспособленность московских зданий для УС) быстро уступили место политике.

«Необходимо, чтобы УС было созвано при таких условиях, при которых оно могло бы совершенно спокойно работать, не подвергаясь влияниям как внутри, так и извне,—говорил один из делегатов VII съезда к.-д.,—Петроград представляется мало удобным для этого местом. С другой стороны, Москва—место наиболее подходящее, так как она отстоит далеко от фронта, вследствие чего временные неудачи не могут вызывать панического настроения. Наконец, настроение в Москве более ровное и спокойное».

В этом же духе высказывался Кишкин, отмечавший, что «в Москве нет разъединения. Все партии, все сословия идут там вместе» [2].

Дело было, конечно, не в том, что «панические настроения» при известиях о поражении на фронте могли скорей распространиться в Петрограде, нежели в Москве. УС, призванному, по выражению к.-д. В. Гессена, «к ликвидации великой революции, переживаемой Россией», было

[1] «Архив русской революции», изд. Гессена, Берлин, т. I, стр. 72.
[2] «Речь», 1917 г., № 73, 28/III (10/IV).

бы трудно развивать свою деятельность в городе, где кривая революционной температуры неудержимо поднималась вверх. Острота положения гораздо слабее чувствовалась в Москве, гарнизон и рабочее население которой несколько отставали от Петрограда. С другой стороны, именно в Москве буржуазия и городская мелкая буржуазия были факторами большего значения, чем в Петрограде.

А что классовый состав и настроения «сферы», в которой должна была работать русская конституанта, могли сыграть не малую роль,—это к.-д. хорошо знали из опыта Западной Европы. И недаром Мижуев, ссылаясь на пример Франции, протестовал против созыва УС в какой бы то ни было столице, вообще, а некий аноним, рекомендовавшийся «уверенным приверженцем УС и демократической республики», выступая защитником созыва УС в Москве, прямо заявлял, что «народ боится подпасть под выстрелы Совета рабочих и солдатских депутатов или же плясать под их дудку»[1].

Итак, по настоянию к.-д. УС должно было быть отодвинуто от революции—во времени и в пространстве.

Изменить реальное соотношение сил в пользу буржуазии, ликвидировать двоевластие, заменить Советы, «суррогаты власти», как называл их В. Гессен, «нормальным» демократическим самоуправлением—эти задачи для к.-д. являлись первоочередными. В повседневной агитации к.-д. выполнение их трактовалось, как *предпосылка* созыва УС.

Если бы предположения к.-д. в действительности оказались выполненными,—тогда... тогда вопрос об УС мог стать по-иному или вовсе сойти с порядка дня,—к.-д. никогда не фетишизировали народное представительство.

Использование лозунга УС шло и в ином направлении. Укрепляя свои позиции в стране, русская буржуазия прилагала все усилия к тому, чтобы основные вопросы, поставленные революцией в порядок дня, были разрешены возможно позже. И здесь на помощь кадетам пришел лозунг полновластного УС. Поскольку вся полнота власти должна была быть сосредоточена в руках УС, нетрудно было настаивать на отсрочке решения аграрного, национального и других вопросов текущей политики, под

[1] АОР, фонд 14, дело № 5.

предлогом охранения прав УС. «Несовместимо с принципом народовластия создание в сфере компетенции УС «совершившихся фактов»,—выразительно заявляли к.-д. Между всеми гражданами Российского государства заключено торжественное соглашение об отсрочке до УС основных вопросов государственного строительства. Это соглашение должно быть честно выполнено всеми его участниками. Ничего окончательного, ничего бесповоротного не должно быть сделано до УС. Поставить его перед какими-либо «совершившимися фактами»—значило бы узурпировать его власть»[1].

На этой позиции «принципиальных» защитников полновластия УС кадеты продолжали оставаться на протяжении всей Февральской революции. Когда в марте впервые возник вопрос о новом государственном строе, к.-д. протестовали против объявления республики, доказывая, что «Временное правительство совершило бы величайшее преступление перед народом, если бы помыслило вырвать из его рук решение этого вопроса и поставить свою волю на место воли УС». Такая же аргументация была выдвинута кадетами при обсуждении финляндского и польского вопросов: впоследствии доводы от возможного нарушения прерогатив УС нашли себе широкое применение в борьбе против попыток преждевременного решения аграрной проблемы снизу и, наконец, послужили предлогом для ухода к.-д. из правительства.

Заявление ЦК партии к.-д. от 3 июля мотивировало разрыв коалиции тем, что постановление правительства об Украине предрешает волеизъявление УС.

Итак, если Февральская революция и заставила к.-д. согласиться—по крайней мере на словах—с созывом УС, то чувство реальной политики подсказало им тактическую линию в этом вопросе. Отодвигая УС на неопределенный срок, к.-д. под прикрытием УС откладывали решение основных проблем революции. Не возражая против фетишизации УС в глазах широких масс населения, кадеты сами отнюдь не отрывали УС от классовой почвы. Наоборот, решительное изменение соотношения классов в стране в пользу буржуазии могло либо обезопасить буржуазию от будущего УС, либо позволить ей и вовсе обойтись без УС.

[1] «Вестник партии народной свободы», № 1, стр. 3.

2. *С.-р. и меньшевики.*

Иначе, нежели к.-д., ставили вопрос об УС с.-р. и меньшевики. В их представлении УС оказывалось надклассовым учреждением, сосредоточием воли «народа», где социальные и национальные различия стираются, как по мановению волшебной палочки. С.-р. видели, по словам Минора, в УС «фокус, куда сойдутся лучи истинной русской воли, где, наконец, н а р о д н а й д е т п о к о й, доверив УС свою судьбу». «Отдельные классы, группы и партии могут кипеть в котле своих страстей,—писало «Дело народа»,—громы и молнии военной непогоды могут делать призрачной мечту о том, что когда-нибудь придет настоящий день и принесет с собой долгожданное УС. Июньское наступление, июльское отступление, выступление большевиков, мятеж Корнилова и перманентные кризисы властей—все это эпизоды, преходящие, условные и, в конце концов, второстепенные по отношению к тому основному и главнейшему, что стоит на очереди перед Россией и революцией... УС...—превыше отдельных групп и классов... устойчивее всех случайных и преходящих нужд момента»[1].

Такая идеалистическая позиция, граничившая почти с мистическим отношением к УС, была характерна для мелкобуржуазных партий, отрицавших на словах классовую борьбу пролетариата и буржуазии.

Учредительные собрания в истории различных стран часто бывали фокусом, но не сверхклассового единства, а фокусом классовых противоречий. Это противоречие, которое, по словам Маркса, обожествляется мелким буржуа, обожествили меньшевики и с.-р.

Фетишизация УС вырастала из признания Burgfrieden'a, но, с другой стороны, эта фетишизация сама усиливала тактику гражданского мира. Если УС было для с.-р. и меньшевиков «основным и главнейшим» по сравнению с «условными» и «преходящими» эпизодами классовой борьбы, то столь же «условными и преходящими» оказывались все задачи внутренней и внешней политики, поставленные революцией в порядок дня, потому что «всякая политическая борьба—это борьба классов».

Трактовка УС, как седьмой сферы дантовского рая,

[1] «Дело народа», № 146, 5/IX 1917 г.

практически приводила с.-р. и меньшевиков к позиции к.-д. Эта истина вскоре стала ясной, как день. УС в представлении меньшевиков и с.-р. должно было парить над классами. Совершенно естественно, что к такому учреждению меньшевики и с.-р. предъявляли максимальные требования, гарантировавшие точность избирательных списков, правильность выборов и т. д. Но абсолютная чистота УС в этом смысле пунктуального выполнения всех законов о выборах находилась в противоречии к требованию ускорения созыва УС. «С УС приходится уже не спешить, а торопиться»—заявлял с.-р. Вишняк в начале июня. Торопиться заставляли, конечно, те самые «эпизоды» классовой борьбы, которые с.-р. характеризовали, как «случайные и преходящие». Немудрено, что с.-р. и меньшевики были твердо убеждены в необходимости принести в жертву строго, по всем правилам составленному избирательному списку в УС требования о скорейшем решении аграрного, национального и других вопросов.

«Больше чего-либо другого мы должны опасаться всего того, что может вызвать в каких-либо общественных группах сомнения в правильности избрания членов УС,— писал с.-р. Святицкий, доказывая необходимость отсрочки созыва УС. Гибель страны грозит нам в том случае, если УС... не будет обладать непререкаемым авторитетом в глазах всех классов и слоев общества без всякого исключения».

Отсюда родилась утопическая теория с.-р. и меньшевиков, утверждавшая, что события должны «обождать» созыва УС.

Таким образом, достигалось совпадение с.-р., меньшевистской и кадетской точек зрения в вопросе об УС. Теоретическое обоснование отношения к УС было различным: что для к.-д. составляло продуманный политический ход, то для с.-р. и меньшевиков являлось мелкобуржуазной утопической иллюзией. Но как бы то ни было, руки у буржуазии в вопросе об УС были развязаны—мелкобуржуазные партии шли в фарватере буржуазной политики.

3. Большевики.

Отношение большевиков к УС еще задолго до революции 1917 г. резко отличалось от тактики меньшевиков и с.-р. В 1905 г. УС в представлении большевиков во-

все не связывалось с прекращением классовой борьбы, и тогда для большевиков несравненно более актуальным был лозунг Временного революционного правительства как органа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Впервые Ленин поставил вопрос об УС по-новому в 1915 г. В статье «Несколько тезисов» Ленин писал: «Лозунг УС, как самостоятельный лозунг, неверен, ибо весь вопрос теперь в том, кто созовет его» [1]. Уже в этих тезисах Ленин идет дальше парламентарной республики, выделяет проблему советов, как органов революционной власти. Этим, по существу, было определено отношение большевиков к УС на 2 года вперед. В самом деле, вопрос о том, кто созовет УС, разрушал фетишизм народного представительства—здесь не могло быть места для идеалистических домыслов на эсеровский манер. Наконец, слова Ленина о Советах не оставляли никакого сомнения в том, что большевизм еще решительнее, чем в 1905 г., переходил к идее отрицания буржуазного парламентаризма.

Мысли, развитые Лениным в «Нескольких тезисах», были уточнены в марте—апреле 1917 г. В «Письмах издалека»—этом важнейшем документе, оценивавшем характер и перспективы революции, Ленин вовсе не касается вопроса об УС. В письме к Ганецкому [2] он доказывает, что рабочие и крестьяне должны передать всю государственную власть в руки рабочего класса «теперь или после выборов в УС, если с ним не надуют народа, не оттянут выборы до после войны». В докладе Ленина о задачах РСДРП в русской революции, прочтенном в Цюрихе 31 марта, мы встречаем упоминание о конвенте, который «может развиться из УС, если правительство действительно сдержит свое обещание и созовет его» [3]. Наконец, апрельские тезисы [4] ставили точки над «и»—«Не парламентарная республика,—возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад,—а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране снизу доверху»—эти слова завершали мысль, высказанную в 1915 г. Лозунг УС не только потерял право

---

[1] Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 311.
[2] Ленин, Соч., т. XX, стр. 55.
[3] Там же, стр. 62.
[4] Там же, стр. 88.

на самостоятельное существование. «Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план» [1],—заявил Ленин, разъясняя апрельские тезисы на совещании большевиков.

Это не значит, однако, что Ленин предлагал устранить лозунг УС. «Надо ли созывать Учредительное собрание? спрашивал он в брошюре «Политические партии в России и задачи пролетариата», и отвечал: «Надо и поскорее. Но гарантия его успеха и созыва одна: увеличение числа и укрепление силы Советов рабочих, солдатских, крестьянских и прочих депутатов; организация и вооружение рабочих масс,—вот единственная гарантия» [2].

Внутрипартийные разногласия, имевшие место в апреле, коснулись также вопроса об УС. Товарищи, склонявшиеся к точке зрения Каменева, оказались в плену у конституционных иллюзий. Не-ленинская оценка УС сказалась, например, в мартовских номерах «Правды», в которых редакция поместила ряд статей и заметок об УС. «Правда» настаивала на скорейшем созыве УС, предлагала составить проект «республиканской конституции» к УС, не выясняя ни характера этой будущей конституции, ни коренного перелома в отношении к УС, которого еще в 1915 г. требовал Ленин.

Интересно, что каменевскую точку зрения в вопросе об УС развил «левый» большевик Богдатьев. На заседании Петербургского комитета партии 8 (21) апреля он возражал против 5-го тезиса Ленина (о республике Советов), доказывая, что этот тезис ведет к упразднению требования УС. «Армия, крестьяне, рабочие, буржуазия—вот состав будущего УС,—говорил Богдатьев.—Отчего нам не дать бой в этом учреждении. Нам надо допустить буржуазию в УС и не стараться задушить ее снизу» [3]. Богдатьев считал возможным свергнуть Временное правительство и затем созвать УС по инициативе большевиков, но отношение к Временному правительству не являлось исходным пунктом его выступления.

Еще более отчетливую позицию занял Г. Пятаков, также возражавший против тезисов Ленина. «В нашей платформе говорится определенно, что мы не идем к социа-

---

[1] Ленин, Соч., т. XX, стр. 82.
[2] Ленин, Соч., т. XX, изд. 2-е, стр. 139.
[3] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., Гиз, 1927 г., стр. 85.

лизму,—утверждал Пятаков на заседании Киевского комитета,—а т. Ленин зовет к захвату власти. Тов. Ленин все-таки против УС, говоря, что оно—шаг назад (в чем он, между прочим, прав), но для нас ясно, что сейчас может быть только УС, а не республика Советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов» [1].

Выступление Богдатьева и Пятакова не были случайными. «Левых» большевиков и товарищей, защищавших точку зрения Каменева, объединяло одинаковое непонимание ленинской теории перерастания революции. Социал-демократические рецидивы и сказались в том, что и те и другие отделяли непроходимой пропастью социалистическую революцию от буржуазной. А естественным результатом этой концепции были парламентские иллюзии и небольшевистское решение вопроса об УС.

Конституционные иллюзии в вопросе об УС были преодолены партией наряду с преодолением каменевской концепции революции.

На апрельской конференции точка зрения большевиков в вопросе об УС была окончательно определена. Признание 5-го тезиса Ленина наносило сильнейший удар идее буржуазного парламентаризма и тем самым низводило УС с пьедестала, на который ставили его меньшевики и с.-р. Первостепенной задачей большевики считали укрепление Советов и решение основных вопросов о власти, о войне, о земле, поставленных в порядке дня революцией. Такая позиция резко противополагалась объединявшему к.-д. с меньшевиками и с.-р. лозунгу «обождать до УС». Вместе с тем большевики наметили возможность использования лозунга скорейшего созыва УС в целях разоблачения Временного правительства, так же как с.-р. и меньшевиков. «Конечно,—говорил Ленин на Петроградской общегородской конференции в апреле,—никто не скажет, что Временное правительство оттягивает созыв (Учредительного собрания), если не скажем мы» [2].

На VI съезде партия приняла ряд решений по вопросу об УС. Были намечены организационные директивы для подготовки предвыборной кампании. Съезд постановил допустить заключение блоков лишь с теми партиями, ко-

[1] Киевский Истпарт, Из истории Октябрьской революции в Киеве Гиз Украины, 1927 г., стр. 89.

[2] Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г., Гиз, 1925 г., стр. 27.

торые стоят на почве интернационализма, и не на словах, а на деле порвали с оборонцами. Этот вопрос вызвал, впрочем, некоторые разногласия. Проект резолюции предусматривал возможность соглашений с беспартийными революционными организациями (например, Советами, земельными комитетами, комитетами посевщиков и т. д.), полностью принимающими большевистскую программу. С поправкой к этой резолюции выступил Е. Преображенский. Он предлагал воспретить какие бы то ни было блоки с беспартийными организациями на том основании, что блоки с сомнительными интернационалистами опасны и могут повести партию по пути парламентского кретинизма— партия будет гнаться за голосами, в то время как она должна вербовать настоящих сторонников. Интереснее был другой аргумент Преображенского, содержание которого сводилось к тому, что крестьяне, которые пойдут за аграрной программой большевиков, отвернутся потом от партии из-за несогласия с остальными положениями программы.

Поправка Преображенского отражала те же самые троцкистские настроения «левых» большевиков, которые проявились в основных вопросах стратегии партии на VI съезде и сводились к социал-демократической оценке внутренних сил русской революции. Преображенский ограничивал возможность объединения с крестьянством исключительно захватом земли и снимал задачу борьбы за крестьянство во время выборов и в самом УС, задачу привлечения беднейшего крестьянства на сторону пролетариата в социалистической революции.

Поправка Преображенского съездом была отвергнута. Для того, чтобы обеспечить партию от заключения неправильных блоков, съезд признал необходимым получить для всех избирательных соглашений санкцию Центрального комитета.

По мере приближения срока выборов партии пришлось вести все более и более упорную борьбу с конституционными иллюзиями в вопросе об УС.

Социал-демократическое «наследство» сказалось при составлении списка кандидатов в УС, рекомендованного Центральным комитетом местным партийным организациям[1].

---

1 «Рабочий путь» № 31, 8/21 октября 1917 г.

2 Рубинштейн. К истории учред. собрания.

Из 124 кандидатов было:

Рабочих	40	Профессоров	1
Солдат	11	Приват-доцентов	2
Матросов	3	Экономистов	1
Заводских конторщиков	1	Статистиков	2
Техников	2	Юристов	5
Инженеров	4	Членов городских управ	2
Офицеров	4	Врачей	1
Учителей	5	Литераторов	2
Партийных работников	1	Журналистов	39

Таким образом только 46,7% кандидатов были рабочие и крестьяне, остальные 53,3% списка представлялись интеллигенцией—главным образом журналистами.

Такое распределение вызвало решительные возражения со стороны Ленина, считавшего, что интеллигентский список, с одной стороны, затруднит для партии ее сближение с крестьянством в УС, а с другой—создаст возможность подражания западно-европейскому парламентаризму. Письмо-протест Ленина, направление 3-ей Петроградской общегородской конференции большевиков, происходившей в сентябре, показывает, как смотрел Ленин на задачи большевистской фракции в УС.

«Опубликованный ПК список кандидатов в УС составлен недопустимо и требует самого резкого протеста,—писал Ленин.—Ибо в крестьянском УС необходимо вчетверо или впятеро больше рабочих, которые одни способны близко и тесно связаться с крестьянскими депутатами. Совершенно недопустимо также непомерное число кандидатов из мало испытанных лиц, совсем недавно примкнувших к нашей партии, вроде Ю. Ларина. Заполняя список такими кандидатами, которые должны бы сначала месяцы и месяцы поработать в партии, ЦК открывает настежь двери для карьеризма, для погони за местечками в УС. Необходим экстренный пересмотр и исправление списка.

...Серьезной работой внутри УС будет сближение с крестьянами, близкое, тесное, интимное. На это годны только рабочие, близкие по жизни к крестьянам. Ораторов и литераторов набивать в УС,—значит итти по избитой дороге оппортунизма и шовинизма. Это недостойно «III Интернационала» [1].

[1] 2-я и 3-я Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917 г., Гиз, 1927 г., стр. 125, 126.

ПОДГОТОВКА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

1. Созыв Особого совещания.

Буржуазия согласилась на созыв УС в первые же дни революции. На первом «контактном» заседании представителей Совета и Временного комитета Государственной думы по вопросу об организации власти Милюков, по словам Суханова [1], принял в числе прочих предложений «демократии» и УС «с его подлинным именем и всеми принадлежащими атрибутами». «Уступая» социалистической программе-минимум, лидеры буржуазии поступали со своей точки зрения вполне разумно—к чему было спорить о будущем УС, в то время, когда «демократия» Сухановых передавала буржуазии р е а л ь н у ю власть. В таких условиях обязательство созыва УС в сущности обязывало к немногому. Передача власти в руки буржуазии означала, что решение вопросов о том, к е м, к а к и к о г д а будет созвано УС будет принадлежать Милюкову и его коллегам, а они, как мы уже говорили, отнюдь не были фетишистами УС. В декларации 3(16) марта Временное правительство заявляло, что кабинет приступит к немедленной подготовке, к созыву, на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования УС, которое установит форму правления и конституцию страны.

Практика вскоре показала, что, соглашаясь с требованием демократии на словах, Временное правительство вовсе не предполагало осуществлять этот компромисс на деле.

13 марта контактная комиссия обсуждала вопрос об УС. Правительство, по словам Суханова, «скрепя сердце подтвердило все свои обязательства о выборах в армии, о женском избирательном праве (раньше специально не оговоренном) и проч.» [1]. Созыв УС был намечен на летние месяцы. Правительство и Совет договорились об организа-

---

[1] С у х а н о в, Записки о революции.

ции совещания по подготовке закона о выборах. Правда, уже в те дни, когда контактная комиссия договаривалась с министрами, поведение последних внушало известные сомнения. Ходили слухи о том, что правительство предполагает созвать УС в Москве; Керенский в ставке прямо заявил, что созыв УС возможен только после победы. Но так или иначе подготовка к выборам как будто начиналась 25 марта. Временное правительство постановило организовать Особое совещание по изготовлению проекта положения о выборах в УС из специалистов, политических и общественных деятелей.

Состав Особого совещания показал, что правительство считает необходимым твердо закрепить дело подготовки выборов в своих руках. Членами Особого совещания первоначально были назначены 12 специалистов, 10 представителей буржуазных партий (от октябристов до прогрессистов включительно), 8 представителей совета и один большевик. Физиономия совещания станет еще ярче, если мы добавим, что среди 12 «специалистов» находились—и в немалом числе—вожди партии народной свободы—столь видные кадеты, как например, Вас. Маклаков, Вл. Набоков, Аджемов, В. Гессен, бар. Нольде, Водовозов, Котляревский и др.

М. Винавер, считавший состав Особого совещания недостаточно правым и возражавший против особого представительства Совета левых групп национальностей, приписывал наличие большого числа кадетов среди специалистов простой случайности. «Не лишне отметить,—писал он,—что партии народной свободы было предоставлено на общем основании, как партийной организации, одно место. Но судьбе угодно было, чтобы специалисты—ученые государствоведы и историки оказались почти сплошь к.-д., и сверх того представители национальностей, по крайней мере в одной половине своей, являются близкими нам по настроению. Только благодаря этому внесен некоторый корректив в бьющую в глаза неравномерность партийного представительства[1].

Что корректив был внесен не судьбою, а стремлением Временного правительства обеспечить надлежащее направление Особого совещания,—об этом Винавер знал, вероят-

[1] «Вестник партии народной свободы» № 4—5, 8/VI, Грядущее Учредительное собрание.

но, не хуже других. И недаром в своих воспоминаниях о председателе Особого совещания Ф. Ф. Кокошкине—члене ЦК к.-д. партии—он рассказывает, что Кокошкин долго отказывался от предложенного ему поста, «искал других кандидатов, убеждая себя и других, что нужны люди «полевее», предлагал вместо себя Плеханова, Чайковского, пока, наконец, не уступил давлению необходимости и не взял на себя этих обязанностей» [1].

«Давление необходимости», повлиявшее на состав Особого совещания, стоит ближе к исторической истине, нежели «судьба», к которой апеллировал Винавер в 1917 г. И немудрено—воспоминания о Кокошкине были написаны девять лет спустя и не в Петербурге, а в парижской эмиграции.

С.-р. и меньшевики молчаливо согласились с составом Особого совещания. Единственный протест, высказанный в самом Совещании, исходил от члена последнего, большевика Козловского. На втором заседании Особого совещания Козловский, отмечая, что имущие классы представлены более, чем 36% его состава (если не считать кадетских специалистов), требовал изменить антидемократичный состав Совещания. «Временное правительство,—говорил он,—обязано сейчас реорганизовать Совещание на основе пропорционального представительства, на основе соотношения общественных классов в России или, конкретно говоря, оно обязано предоставить Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 80% голосов, а остальные разделить между остальными группами населения» [2]. Козловский настаивал также на том, чтобы специалистам были предоставлены только совещательные голоса и чтобы председатель избирался самим Совещанием.

Председатель Совещания отвел заявление Козловского на том основании, что состав Совещания еще не определился, так как не все члены прибыли в Петроград.

Если с.-р и меньшевики оставили Козловского в блестящем одиночестве, то его протест был поддержан за стенами Маринского дворца. Так, например, общее собрание солдат Коломенской автомобильной мастерской направило в Петроградский совет резолюцию, которая решительно

---

[1] М. Винавер, Недавнее, Париж, 1926 г.

[2] АОР, фонд 14, д. № 33 с протоколами общего собрания Особого совещания.

протестовала против преобладания «буржуазно-господствующих классов» в Совещании и просила Совет «оказать давление на Временное правительство, чтобы оно изменило состав (Совещания) в смысле пропорционального представительства всех классов населения и армии». Такие же резолюции были посланы Исполнительным комитетом 127-й пехотной дивизии и другими организациями.

Массы едва ли не впервые начинали внимательно прислушиваться к ходу подготовки УС.

2. *Деятельность Особого совещания.*

Постановление о созыве Особого совещания было принято 25 марта, но правительство не торопилось с выполнением этого постановления. Вопрос об Особом совещании был похоронен в министерских канцеляриях, и только 10 мая Временное правительство нового состава постановило принять меры для ускорения созыва Совещания и назначить его первое заседание 25 мая. Запоздание официально объяснялось тем, что не все приглашенные организации прислали своих представителей—в действительности Временное правительство проводило в жизнь директивы партии к.-д.—выиграть время, откладывая УС на неопределенный, но возможно более длительный срок.

Совещание собралось 25 мая,—т. е. почти через 3 месяца после Февральской революции. Кн. Львов, открывший Совещание от имени правительства, заявил, что УС должно завершить великую русскую революцию и призывал участников к «высшей объективности». Представитель Совета Брамсон «обещал поддерживать все, что способствует ускорению созыва УС» и возражать против того, что замедляет работу.

«Высшая объективность» сказалась сразу же после начала работ Совещания. Одним из первых вопросов, подвергнувшихся обсуждению, был вопрос о возрасте избирателей. В Совещании наметились три точки зрения—к.-д., с.-р. и меньшевиков и большевиков. К.-д., по прямой директиве кадетского ЦК, высказывались за установление 21-летнего возраста, соглашаясь сделать исключение для солдат. «В нормальное время,—говорил Маклаков,—было бы правильно вовсе устранить военнослужащих от участия в выборах; считаясь же с переживаемым моментом, приходится

дать избирательные права и солдатам»[1]. Повышение избирательного возраста к.-д. мотивировали юридическими аргументами—необходимостью достижения гражданского совершеннолетия,—и только один Водовозов откровенно высказывал опасения господства охлоса в том случае, если избирательный возраст будет снижен. С.-р. и меньшевики высказывались за 20-и 19-летний возраст, и только большевик Козловский, требуя замены юридического критерия хозяйственно-трудовым, настаивал на 18-летнем возрасте, так как 18-летний крестьянин и рабочий участвуют в трудовой жизни и, следовательно, должны пользоваться всеми гражданскими правами. Восторжествовало предложение с.-р., меньшевиков и части к.-д.—Особое совещание установило избирательный возраст в 20 лет[2]. Впоследствии избирательные права были предоставлены и 18-летним солдатам.

В комиссии об условиях осуществления активного и пассивного избирательного права к.-д. высказались против предоставления избирательного права дезертирам, на том основании, что если возрастной ценз для армии понижен, то пользоваться правом выборов должны только достойные. Стоит лишь вспомнить некоторые даты, чтобы смысл предложения к.-д. стал ясен. К.-д. подняли вопрос о лишении дезертиров избирательного права 28 мая, т. е. в те дни, когда правительство, при благоприятном содействии советского большинства, делало лихорадочные усилия для того, чтобы прервать состояние «фактического перемирия» на фронте и ускорить наступление.

Подготовка наступления велась не только главным командованием—и угроза лишения избирательного права (ведь от УС солдаты ждали прежде всего земли) могла сыграть известную роль в деле создания «национального подъема».

Именно так расценили предложение кадетов большевики.

«Ведь это не преступление в юридическом смысле,—говорил Козловский о дезертирстве.—Очевидно, совершается

---

[1] Стенографические отчеты Особого совещания, АОР, фонд 14, дела Особого совещания.

[2] В постановлении Особого совещания говорилось, что избирательным правом пользуются граждане, которым к 17 сентября (первоначальный срок выборов в УС, установленный Временным правительством) исполнится 20 лет. В окончательной редакции слова «к 17 сентября» были заменены словами «ко дню выборов». Предусмотрительное правительство не желало связывать себе руки в вопросе о сроках.

оно по мотивам политическим, по мотивам отношения к войне, и, поскольку вы введете этот пункт в проект, вы будете преследовать—и притом без суда—тех, которые иначе относятся к войне, чем, скажем, имущие классы, тех, которые считают, что настоящая война—не есть война народная, что это война за интересы, не только чужие, но, попросту, война в интересах шовинистических классов, и этих людей, огульно, без разбора, механически, вы хотите лишить избирательных прав. Это—расправа с политическими противниками. Против этого я решительно протестую[1].

Меньшевистско-эсеровский сектор Особого совещания покорно следовал за кадетами. Брамсон, Святицкие и Крохмали молчаливо помогали к.-д. затягивать обсуждение закона о выборах в многочисленных комиссиях: они соглашались почти со всеми предложениями к.-д., иногда лишь рискуя выступить с «особым мнением». Наступательная тактика к.-д. в вопросах о возрастном цензе и о лишении избирательных прав дезертиров встретила весьма уступчивое отношение со стороны Совета и его представителей в Особом совещании. 30 мая Исполнительный комитет Совета, в отмену своего решения, принятого за 3 дня, постановил поддержать предложение правительства о лишении дезертиров избирательных прав с оговоркой о том, что дезертир, возвратившийся в свою часть за 7 дней до выборов, восстанавливается в правах. Совет согласился с к.-д. также и в вопросе о возрастном цензе, признав возможным сохранить 18-летний возрастной ценз только для солдат и установить 20-летний возраст для остальных избирателей.

Решением Особого совещания дезертиры были лишены избирательного права.

Зато гораздо либеральнее отнеслось Особое совещание к гражданским правам членов свергнутой династии.

В комиссии Совещания Маклаков, предлагавший лишить избирательного права дезертиров, настаивал на том, чтобы Романовы могли воспользоваться как активным, так и пассивным избирательным правом. «Теоретически мыслима и монархия,—разъяснял Маклаков.—У нас еще не республика. Форму правления установит плебисцит—УС». Интересно, что за предоставление Романовым активного

---

[1] АОР, фонд № 14, д. № 41, Стенографический отчет 4-го заседания Особого совещания. 31/V 1917.

избирательного права высказался и с.-р. Вишняк. Комиссия постановила лишить Романовых лишь пассивного избирательного права, но даже это решение показалось для Особого совещания черезчур «революционным». Совещание отменило решение комиссии, предоставив членам б. царствующего дома все гражданские права. Значение этого постановления (впоследствии), отмененного Временным правительством, было недвусмысленно—Особое совещание оставляло лазейку для того, чтобы «теоретическая возможность» монархии в России могла стать практически осуществимой. Классовый характер деятельности Особого совещания в вопросе об избирательном праве не оставлял никаких сомнений. Рабочие и крестьяне, голосовавшие «ногами» против империалистической войны, лишались избирательных прав. В то же время к избирательным урнам могли спокойно итти такие полноправные граждане Российского государства, как Романовы, сотрудники охранки и содержатели публичных домов.

Вопрос о системах избирательного права вызвал в Особом совещании меньше разногласий. Часть членов Совещания (главным образом к.-д.) отстаивала мажоритарную систему. Эта система является менее демократичной, нежели система пропорциональных выборов, так как она не дает представительства меньшинствам. Именно поэтому она соблазняла некоторых кадетов. Мажоритарная система позволяла сузить размеры агитации политических партий—в дробных округах к.-д. могли выставить «известных людей», не обнаруживая своей политической физиономии избирательным списком. И недаром Аджемов заявлял, что он предпочитает «провинциализм местного представительства программной узости партии». Председатель Совещания, Кокошкин, мотивировал превосходство пропорциональных выборов неразвитостью политической жизни России, которая делает необходимой систему политических партий. Нетрудно различить за этой официальной мотивировкой ее политическую канву. Кокошкин, более дальновидный, нежели его коллеги, высказывавшиеся за мажоритарную систему, понимал, что развивающаяся революция может при мажоритарной системе лишить кадетскую партию мандатов в УС. Система пропорциональных выборов позволяла, по крайней мере, реализовать в УС голоса того буржуазного меньшинства, которое шло за к.-д.

Особое совещание высказалось за систему пропорциональных выборов.

Но демократическая система пропорциональных выборов подверглась вполне определенным, по своему значению, коррективам со стороны Особого совещания. Расписание избирательных округов было построено таким образом, что крестьянские губернии должны были набрать гораздо большее количество депутатов, нежели индустриальные центры. С этой целью обычное административное деление (губернии и области) дополнялось созданием особых округов. Несколько иллюстраций наглядно покажут линию Особого совещания в этом вопросе.

Крестьянские округа	Количество депутатов	Индустриальные округа	Количество депутатов
Алтайский	13	Владимирский . . .	9
Войска Донского . .	17	Московский	9
Самарский	17	Тверской	9
Кубано-черноморский	14	Москва	10
Степной	14	Петроград	12
Тамбовский	16		

Не менее показательны решения Особого совещания о порядке голосования флота. Балтийский флот был включен в Финляндский округ, т. е. должен был голосовать вместе с русским гражданским населением Финляндии (т. е., главным образом, с чиновниками и мелкой буржуазией) и с армейскими частями, расположенными в Финляндии. Черноморский флот включался в состав различных общегражданских округов, в которых находились базы судов Черноморского флота. Даже в том случае, если команды судов Балтийского флота не могли бы голосовать вместе с Финляндским округом по условиям боевой обстановки, и тогда они не присоединялись к ближайшему фронтовому округу.

Матросские голоса внушали, повидимому, наибольшие опасения Особому совещанию, и недаром «Положение о выборах» с такой тщательностью обеспечивало дробление флота по гражданским избирательным округам. Там же, где в общегражданских избирательных округах создавалась опасность преобладания солдатских голосов над граж-

данскими (например, в ближнем тылу),—к.-д. (по политическим мотивам—это понимал даже Вишняк) настаивали на раздельном голосовании солдат и гражданского населения.

Особое совещание уделило много внимания вопросу о тех органах, которые должны были руководить выборами. Именно поэтому Совещание выдвигало на первый план необходимость скорейшего создания муниципалитетов, которые должны были стать «командными высотами» буржуазии. Было принято специальное постановление, разъяснявшее, что выборы в УС ставятся в зависимость от образования демократического самоуправления и могут состояться через два месяца после того, как начнут функционировать органы нормального самоуправления. В стремлении перейти от «бивуаков» и «палаток», как выражался один кадетский публицист, к «нормальным» органам власти, с.-р. не отставали от к.-д. «Главная задержка (УС),—писал в «Деле народа» Вишняк,—не в технике, а в отсутствии муниципалитетов». И здесь Особое совещание проявило исключительную настойчивость. От участия в руководстве выборов старательно устранялись массовые революционные организации. Так например, первоначальная редакция статьи «Положения» о выборах в Финляндском округе предполагала участие судовых комитетов в составлении списков избирателей,—в окончательной редакции статьи параграф о судовых комитетах был устранен.

Постановление Особого совещания об окружных и уездных комиссиях по делам о выборах устраняло от какого бы то ни было участия в комиссиях представителей местных общественных организаций и политических партий. Таким образом дело выборов в УС передавалось в исключительное распоряжение органов Временного правительства. Представители Совета рабочих депутатов ограничились лишь «особым мнением» по этому вопросу.

Решение Особого совещания ставило выборы в УС в непосредственную зависимость «от образования волостных и городских органов самоуправления на демократических началах». Выборы должны были состояться через два месяца после того, как эти организации начинали свою деятельность.

Уже на четвертом заседании Особого совещания 31 мая большевик Козловский выступил с внеочередным заявлением о сроке созыва УС. «Я считаю, что недопустимо

так тянуть и отсрочивать созыв УС»,—говорил Козловский, напоминая историю французской революции 1848 г., когда через 10 дней после свержения Луи-Филиппа был объявлен избирательный закон, а 4 мая, т. е. менее, чем через 2 месяца, собралось Учредительное собрание.

Козловский предлагал возбудить перед Временным правительством вопрос о назначении скорейшего срока созыва УС. Это предложение встретило решительное противодействие со стороны Особого совещания. Председатель совещания и представитель Совета трудовик Брамсон в один голос заявили, что вопрос о сроке находится «вне компетенции» Совещания и должен быть разрешен комиссией по составлению избирательных списков.

Щекотливая тема была отстранена, а 7 июля из Особого совещания постановлением правительства был исключен и автор «неудобных» предложений—большевик Козловский. Закрывая заключительное заседание совещания, меньшевик Крохмаль выразил надежду на то, что «труды Особого совещания будут оценены историей». Итоги этой оценки не могут явиться предметом спора. Особое совещание полностью оправдало те надежды, которые возлагались на него буржуазией.

«Положение о выборах» максимально использовало все возможности с целью передать дело выборов в руки «надежных» организаций и ослабить революционность будущей конституанты. Совещание выполнило и другой «социальный заказ»,—оно на долгий срок затянуло выработку «Положения» и тем самым помогло Временному правительству отодвинуть созыв УС под предлогом тех трудностей, на которые наталкивается выработка избирательного закона.

34 и последнее заседание Особого совещания состоялось 2 сентября, т. е. спустя три с лишним месяца после начала его работ.

Место Особого совещания заняла Всероссийская комиссия по выборам в УС.

3. Деятельность Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание.

Всероссийская комиссия начала свою деятельность 7 августа. Если Особое совещание подготовило стратегические позиции буржуазии в выборах в УС, то на долю

Комиссии выпала задача тактической защиты этих позиций.

Состав Комиссии (большинство ее членов принадлежало к к.-д.) в еще большей мере, чем в Особом совещании, обеспечивал уверенность в том, что Комиссия не отступит от политической линии Временного правительства. Целый ряд постановлений Комиссии по более или менее крупным вопросам о выборах иллюстрировал это с достаточной наглядностью.

Комиссия отвергла, например, ходатайство двух миллионов русских военнопленных об участии в выборах—не требовалось большой политической мудрости для того, чтобы предсказать отношение этой категории избирателей к буржуазным партиям. Чрезвычайно откровенным являлось решение Комиссии о том, что казачьи части голосуют отдельно от фронтовых округов—результаты голосования казачьих частей должны были засчитываться в общегражданских округах с казачьим населением—таким образом, донские казаки, находившиеся около Риги, голосовали вместе с округом Области Войска Донского; кубанцы, расположенные в Румынии—вместе с Кубанским округом.

Такое выделение казаков, прямо противоречившее избирательному закону, преследовало определенную цель—количество фронтовых депутатов уменьшалось, а в общегражданских казачьих округах «левые» голоса казаков, находившихся в армии, были бы майоризированы контрреволюционной кулацко-зажиточной станицей.

Это постановление Комиссии вызвало ряд протестов. «Поступило ходатайство сибирской казачьей батареи—сообщала фронтовая комиссия по выборам Западного фронта—ввиду одного кандидатского списка с представителями только имущих классов по сибирскому казачьему войску, голосовать с войсками Западного фронта. Аналогичные ходатайства поступали и прежде»[1].

Охраняя суверенитет Временного правительства, Комиссия разъяснила, «что участие представителей Советов рабочих депутатов в комиссиях по выборам не предусмотрено Положением». Вместе с тем, постановления правительства обеспечивали надлежащий состав местных комиссий: в тех округах, где еще не были образованы новые земства, комиссия назначалась из состава комитета обществен-

---

[1] АОР, фонд 13, д. № 75.

ных организаций и обновленных губернских и городских управ.

Свобода агитации была сильно урезана. Так, например, специальное постановление Временного правительства от 23 октября «в предотвращение нарушения первейших интересов государственной обороны» воспретило призывы к братанью и к немедленному перемирию на фронте под угрозой наказания как за государственную измену. Постановление, изданное за два дня до Октябрьской революции, было направлено прямо против большевиков,—руководствуясь им, нетрудно было каждую речь большевистского агитатора подвести под государственную измену.

4. Юридическое совещание и Особая комиссия по составлению проекта основных законов.

2 сентября состоялось последнее заседание Особого совещания по выработке законопроекта о выборах, а вслед за этим Временное правительство вынуждено было ускорить и непосредственную подготовку УС.

В сентябре же Юридическое совещание при Временном правительстве выработало заключение по вопросу о порядке открытия УС и юридическом положении Временного правительства после его открытия, а также проекты временных правил ограждения безопасности в УС, охранения порядка в его здании и закона об организации временной исполнительной власти при УС.

Не менее плодовитой была деятельность Особой комиссии по составлению проекта основных законов. В продолжение девяти дней (с 11 по 20 октября) Комиссия представила проекты законов: о гражданах Российской республики, об автономии и федерации, обсудила вопросы об однопалатной и двупалатной системах, о позитивном статусе прав гражданина[1].

Проектам, столь предусмотрительно заготовленным к УС, не суждено было осуществиться. Это обстоятельство, впрочем, не уменьшает интереса документов. «Неродившиеся души» Февраля—они красочно отображают мечты и чаяния русской буржуазии перед Октябрем.

Сухие формулировки параграфов и статей законопроек-

[1] «Красный архив», т. XXVIII, 1928 г.

тов, сплетения опытных юристов—в подавляющем большинстве к.-д.—плохо скрывали ту политическую канву, на которой развертывалась деятельность Юридического совещания и Особой комиссии.

«Учредительное собрание исторически призвано к ликвидации Великой революции, переживаемой Россией»—в таких недвусмысленных выражениях формулировал товарищ председателя Особой комиссии, кадетский профессор В. Гессен [1], задачи УС. Нет никакого сомнения в том, что на такой точке зрения стояло и Временное правительство. Именно под этим углом зрения, в расчете на ликвидацию революции, был составлен проект «Временных правил ограждения безопасности Учредительного собрания и охранения порядка в его здании».

Составители проекта обратили исключительное внимание на выработку таких мероприятий, которые могли бы изолировать УС от масс. Если Временному правительству не удалось созвать УС в каком-либо российском Франкфурте и в отечественном Версале, то нужно было, по крайней мере, охранить его от революционных рабочих и солдат Петрограда. С этой целью проект предоставляет «в полное и исключительное» распоряжение председателя УС воинские части, находящиеся под непосредственным начальством коменданта здания УС, и воспрещает присутствие вооруженной силы в УС «помимо требования председателя Учредительного собрания», равно как и организацию публичных собраний на расстоянии версты от здания УС.

Воздействие революционного народа на будущую конституанту могло проявиться и в иных, быть может, менее опасных, но не более желательных формах; и правила специально оговаривают воспрещение депутаций, являющихся в УС без предварительного разрешения УС, и недо-

---

[1] Гессен оптимистически оценивал обстановку работы будущего УС. «К Учредительному собранию, — писал он, — Россия придет после долгих и тяжелых блужданий по песчаной и безводной пустыне анархии. Она придет к нему измученная и обессиленная, растерявшая по пути значительную часть революционных иллюзий. Она придет к нему охваченная стремлением к порядку и жаждой власти. При таких условиях УС окажется в такой мере авторитетным и могущественным, что о каком бы то ни было противодействии его воле не может быть и речи» (Гессен, Русское Учредительное собрание и выборы в него, Петр., 1917 г.).

Лирический оптимизм кадетского профессора все же решили укрепить специальными законами о безопасности УС.

пустимость непосредственной подачи петиций, которые могут быть переданы «исключительно в письменной форме через канцелярию Учредительного собрания».

Очевидно, пример прославленной «решетки» Конвента, у которой выступали представители парижских секций, был хорошо усвоен кадетскими правоведами. Не меньше внимания уделили авторы «Правил» и карательной части проекта; соответствующие параграфы «Правил» обещали нарушителям строго систематизированную шкалу наказаний от ареста вплоть до... бессрочной каторги.

Под охраной «Правил» УС рекомендовалось организовать при себе временную исполнительную власть. Проект Юридического совещания предоставлял исключительные прерогативы главе этой власти—временному президенту, избираемому УС. Президент, по предложению Совещания, должен был располагать правом законодательной инициативы; он же руководил внешней политикой и являлся верховным начальником всех вооруженных сил. Столь широкие размеры власти президента, облегчавшие возможность нового 18-го брюмера, отвечали монархическим мечтам к.-д. и стремлению (не только к.-д., но и меньшевиков и с.-р.) установить в стране «твердую власть».

Особая комиссия, вырабатывавшая проект основных законов, подробно обсуждала вопрос о декларации прав гражданина. В Комиссии наметились некоторые расхождения. Часть членов Комиссии настаивала на включении в декларацию конкретных прав граждан в области социально-экономической. Кадетские юристы настойчиво предлагали ограничить декларацию таким образом, чтобы социально-экономические права не могли получить «расширительного» толкования. Так, например, В. Дерюжинский—в доказательство необходимости такого ограничения—ссылался на пример французского Национального собрания 1871 г., которое, «создавая конституцию, обошло вопрос о включении статей о социальных и экономических правах молчанием». А. Кулишер предостерегал от повторения декларации прав 1789 г., и, наконец, Н. Ленский «ставил непременным условием, при внесении в основные законы Российской республики позитивных прав, указать более конкретно также и на пределы пользования этими правами»[1].

[1] Там же.

Эти предложения встретили весьма слабую оппозицию со стороны «левых» членов Комиссии. Эсеровский юрист (его называли также «юридическим эсером») М. Вишняк, будущий секретарь УС, и Э. Понтович ограничились лишь предложениями включить в декларацию первый—абстрактное «право каждого человека на достойное существование» и право на землю; второй—право страхования, минимум заработной платы.

Решения Комиссии были изложены в духе кадетского большинства. Комиссия, не возражая принципиально против включения в декларацию позитивных прав, отметила, что «помещение всех прав этого рода может оказаться не имеющим практического значения», и, наконец, признала «нежелательным в соответствии с духом времени» конкретизацию социальных прав в основных законах. «Дух времени» истолковывался кадетами несколько своеобразно, но, поскольку УС было призвано ликвидировать революцию, упоминание о социальных правах могло только затруднить «ликвидационную» деятельность УС. Зато Комиссия—на этот раз единогласно—признала необходимым формулировать в декларации конкретные обязанности граждан (как, например, воинскую повинность, налоговые платежи). Таким образом, декларация прав—в понимании Комиссии—обещала превратиться в декларацию обязанностей гражданина перед буржуазным государством.

Интересные прения развернулись в Комиссии в связи с обсуждением вопроса об однопалатной и двупалатной системах. Защитники двупалатной системы нагромоздили солидное количество абстрактно-юридических аргументов в пользу верхней палаты. Они указывали на «необходимость» (?) усложнения законодательства, на желательность создания авторитетного органа, обращающего внимание общественного мнения на законопроекты нижней палаты; были пущены в ход ссылки на неурядицы, происходящие в республиках Порто-Рико и Гондурас и объясняемые А. Кулишером однопалатной системой, принятой в этих государствах.

Но через государственно-правовую аргументацию просвечивала «чистая» политика. Несмотря на все усилия, защитникам двупалатной системы не удалось замаскировать основного требования, предъявлявшегося ими к верхней палате как органу, который должен «сдерживать» демократию. Кулишер и Шацкий—докладчики Комиссии—

откровенно признавали, что верхняя палата «не может не являться органом, с чисто политической точки зрения, менее демократическим, чем нижняя палата». Н. Ленский считал, что верхняя палата поможет укрепить расшатанную законность, а Кулишер прямо указывал на «исключительное положение» России и «разгар политических страстей».

Дальше других защитников двупалатной системы пошел А. Мейендорф, обвинявший докладчиков в том, что они чрезмерно стремятся «заранее защитить верхнюю палату от нападков и доказать, что она не может быть вредной». Сторонники однопалатной системы оказались в меньшинстве—при голосовании 7 членов Комиссии высказались за однопалатную и 11—за двупалатную систему. «В целях полного беспристрастия», Комиссия решила представить УС все мнения по поводу парламентской системы.

В числе других законопроектов, выработанных Комиссией, наибольшего интереса заслуживает «Предварительный проект статей основных законов по вопросу об автономии (федерации)». Устанавливая в качестве основного тезиса «единство и нераздельность государства», проект предполагает областную автономию. Принципы автономии изложены, конечно, в кадетской трактовке—организация областных учреждений и пределы их компентенции зависят целиком от центральной власти.

Итак, на основании цитированных документов не трудно составить более или менее точное представление о том политическом строе, контуры которого старательно вырисовывали кадетские юристы при благосклонном участии меньшевиков и с.-р.

Россия, какой ее желала видеть русская буржуазия, должна была стать «единым и нераздельным» государством с сенатом и нижней палатой, с конституцией, которая лишила бы граждан прав и наделила их обязанностями; республикой с «временным» президентом à la Луи-Наполеон или Мак-Магон, устанавливающим «порядок» в стране. «Российская республика» в мечтах к.-д., как две капли воды, походила на Третью республику версальцев. Если вторая была создана после разгрома Коммуны, то первая могла появиться только после разгрома большевиков.

Но поражение Коммуны было историческим фактом. Поражение же большевиков осталось лишь желанием партий, представленных в Юридическом совещании и в Особой комиссии. В заседании этой Комиссии член ее, уже

упоминаемый нами, барон Мейендорф, защищавший не только двупалатную систему, но и равноправность обеих палат, аргументировал от политики: «Политическая ситуация меняется,—говорил он,—итти уже на уступки преждевременно». Это было сказано 20 октября 1917 г., т. е. в те дни, когда политическая ситуация действительно резко менялась, но в направлении, обратном тому, которое предполагали барон Мейендорф и его коллеги. Меньше чем через неделю после речи барона «Российская республика» стала Советской. Фактическое соотношение сил, которое Лассаль считал основной предпосылкой долговечности писанной конституции, сделало конституционные проекты Юридического совещания и Особой комиссии только проектами.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

ВОПРОС ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ МЕЖДУ МАРТОМ И ОКТЯБРЕМ

1. Отсрочка созыва Учредительного собрания

Все превентивные меры, принятые Особым совещанием и Всероссийской комиссией по выборам, не могли заставить Временное правительство отказаться от тревоги за будущий состав УС. И поэтому, наряду с постановлением о голосовании казачьих частей и фактическом запрещении большевистской агитации на фронте, Временное правительство продолжало откладывать срок созыва УС.

Срок выборов, первоначально установленный 14 июня, был отнесен на 17 сентября. Но уже в «Положении о выборах» Временное правительство оставило лазейку для дальнейшей отсрочки. В проекте постановления Временного правительства об утверждении первого раздела «Положения» (который был составлен Особым совещанием) говорилось о том, что «ввиду назначения на 17 сентября выборов в УС», правительство вводит в действие первый раздел Положения». В окончательной редакции постановления, принятой правительством, упоминание о сроке исчезло.

Подготовка новой отсрочки началась вскоре после того как правительство установило день выборов; в особенности требования отсрочки усилились после июльских дней. «Теперь уж совершенно ясно..., что 17 сентября выборы в УС произведены не будут, что оно не соберется 30 сентября,—писал В. Набоков в «Речи»,—и можно спросить, не пора ли решиться признать официально этот несомненный факт... Ни для кого не тайна, что предполагавшийся Особым совещанием срок 15 ноября был им установлен в непосредственной зависимости от срока введения новых учреждений губернского и уездного земского самоуправления... Зависимость срока выборов от введения органов самоуправления, построенных на правильных началах,— это есть положение совершенно ясное и повелительное для каждого, кто отдает себе отчет в требованиях

переживаемого времени... Но те партии, которые хотят опираться на так называемые самочинные общественные организации и связаны с ними партийными узами, в свое время были не прочь удовлетвориться ими, как суррогатом настоящих учреждений, образованных на началах всеобщего избирательного права... Для иных течений политической мысли требования правильности выборов ставятся не в столь категорической форме... Эти течения скорее пойдут на всякие компромиссы, лишь бы получить возможность использовать политическую конъюнктуру, которая для них была выгоднее в июне, чем в июле и будет, вероятно, выгоднее в сентябре, чем в ноябре».

Если вспомнить, что с поздней осенью и зимой к.-д. связывали перспективы окончательного разгрома большевиков, реорганизации армии и всеобщего умиротворения,— смысл аргументации Набокова станет ясным. Недаром Набоков считал, что Временное правительство назначило выборы в УС на 17 сентября из политических соображений— «перед ожидавшейся большевистской манифестацией 18 июня надо было сбить противника с одной из его позиций, лишив его возможности обвинять правительство в затягивании выборов» [1].

Тактические расчеты кадетов быстро реализовались в постановление правительства. 9 августа Временное правительство объявило об отсрочке выборов до 12 ноября. Отсрочка мотивировалась незаконченностью выборов в местные самоуправления.

Но и эта отсрочка обещала быть не последней. Растущее полевение масс усиливало опасения буржуазии тем более, что «твердая власть» все еще не была создана.

С приближением срока выборов громче и громче начинают звучать голоса, требующие вновь отсрочить выборы и созыв УС. В начале октября вожди донского казачества предлагали отложить УС «ввиду неподготовленности населения». В то же время газета «День» утверждала, что «волна аграрных беспорядков может отложить решение УС», а бывший премьер, князь Львов, уже в категорической форме заявлял, что «в настоящее время невозможно по техническим и политическим соображениям производить выборы ввиду анархии в стране» [2].

---

1 «Речь» № 178, 1(14)—VIII 1917 г.
2 «Рабочий путь», 5(18)—X 1917 г.

2. Совет рабочих и солдатских депутатов и Учредительное собрание.

В вопросе об УС советское большинство с первых дней революции пошло на поводу у к.-д. Совет вполне удовлетворился декларацией Временного правительства с обещанием созыва УС. «Нельзя не порадоваться..., писали «Известия Совета», что ясная, не допускающая никаких перетолкований, формула Временного правительства положила конец тем недомолвкам и псевдонимам, которыми многие сторонники теперешнего правительства заменяли до сих пор простые и отчетливые слова «Учредительное собрание» [1].

Впервые вопрос об УС подвергся обсуждению на Всероссийском совещании советов. Докладчик, трудовик Станкевич, обнаружил в своей речи типично-эсеровское понимание УС. «Созыв Учредительного собрания,—говорил он,—является формальным выражением полной и окончательной победы российской демократии не только над старым режимом, но и над теми классами и кругами, которые поддерживали и питали этот режим. Этим увенчивается победное здание революции, этим в полной форме воплощается принцип народовластия» [2]. Станкевич соглашался с необходимостью поторопиться с созывом УС и обещал от имени Исполкома оказывать давление на Временное правительство, но в вопросе о сроке он целиком поддерживал правительство, считая, что сентябрь является самым ранним сроком из всех возможных ввиду технических затруднений.

Прений по докладу Станкевича почти не было, и вопрос был решен, по выражению одного из делегатов, «со скоростью курьерского поезда». Совещание настаивало на созыве УС «в возможно скором времени» в Петрограде. В резолюции были выставлены требования всеобщего избирательного права (также и для женщин), установление 20-летнего возрастного ценза и уничтожение ценза оседлости. Совещание считало нужным, чтобы Советы приняли участие в подготовке избирательного закона и наблюдении за выборами.

---

[1] «Известия Совета Р. и С. Д.», № 4, 3/III 1917 г.

[2] Всероссийское совещание советов, Гиз 1928, стр. 196.

Ни один из существенных пунктов этой резолюции не был осуществлен Временным правительством. Всеобщее избирательное право было урезано теми постановлениями Особого совещания, о которых мы говорили выше; Советы отстранялись от непосредственного участия в руководстве выборной кампанией. Наконец, формула «возможно более скорого срока созыва УС» превратилась в действительности в ориентацию на наиболее отдаленный срок.

Роль советского большинства свелась к защите кадетских предложений о созыве УС. «Демократия вправе смотреть на последний декрет Временного правительства как на свою победу»,—писали «Известия Совета» по поводу назначения выборов на сентябрь. Но признанием этой «победы» дело и ограничилось. И когда на I съезде Советов меньшевики-интернационалисты потребовали от Временного правительства созыва УС не позднее 1 сентября, меньшевистско-эсеровское большинство уклонилось от определения точной даты и повторило в съездовской резолюции общую формулу о «скорейшем созыве» УС.

Положение изменилось после июльских дней. 27 июля представитель Совета в Особом совещании, Доброницкий, сообщал в заседании отдела Совета по подготовке УС, что делегаты Совета в Особом совещании «всегда стояли за возможно более короткий срок назначения выборов, но сейчас, учитывая ряд технических трудностей и настроение общества, они пришли к выводу, что отсрочка необходима».

Шаги, предпринятые буржуазией с целью дальнейшей оттяжки УС, были целиком поддержаны Советом.

Уже 3 августа, за неделю до постановления правительства об отсрочке, «Известия» писали: «Надо употребить все усилия, чтобы УС было избрано в срок, назначенный Временным правительством. Но, если окажутся неодолимые препятствия, делающие отсрочку неизбежною, надо, чтобы отсрочка эта не распространялась ни на один лишний день сверх безусловно необходимого»[1].

«Неодолимые препятствия», как известно, не замедлили появиться, и 10 августа официоз Советов, комментируя постановление правительства, оправдывал отсрочку, доказывая, что «ВЦИКом было сделано все зависящее от него, чтобы выборы могли состояться в назначенный срок».

---

[1] «Известия Совета Р. и С. Д.», № 134, 3/VIII 1917.

Резолюции Бюро ЦИКа от 5 августа, признавая, что «лишний день отсрочки созыва УС множит силы контрреволюции», одновременно оправдывала отсрочку, вынужденную отсутствием самоуправлений и событиями на фронте и в тылу. Интересно, что ЦИК старательно обошел самый вопрос о возможности передачи руководства выборами Советам—резолюция отмечала, что в случае, если самоуправления не будут своевременно избраны, эту обязанность придется возложить на «иные общественные учреждения или организации по особому каждый раз указанию Временного правительства».

Эсеровская и меньшевистская пресса подхватила резолюцию ЦИК. «Положение создалось такое,—писал Святицкий в «Деле народа» в августе 1917 г.,—что тот, кто заговорит об отсрочке, рискует получить обвинение в реакционности. Если правительство заявит сейчас о необходимости отсрочить выборы—на него обрушатся, пожалуй, громы и молнии. Большевиствующие элементы поспешили бы построить на этом целую противоправительственную кампанию».

С.-р. удостоились комплиментов от к.-д.—Набоков приветствовал «трезвую ноту» статьи Святицкого, сожалея, что социалисты пришли к сознанию необходимости отсрочки УС с некоторым опозданием.

Объяснялось ли согласие советского большинства на отсрочку УС иллюзиями с.-р. и меньшевиков? Если говорить о компромиссе с буржуазией, то в этом вопросе с.-р. и меньшевики, по крайней мере, их руководящие круги, отдавали себе точный отчет. Церетелли, доказывая на Демократическом совещании невозможность уступок в вопросе об УС, признавал наличие давления буржуазии на Демократическом совещании невозможность уступок в вопросе об УС, признавал наличие давления буржуазии на «дезорганизованную» демократию»... Если нам пришлось раз отложить срок созыва УС,—говорил он,—то этому, конечно, способствовали некоторые цензовые элементы» [1].

Но сам компромисс с буржуазией в вопросе об УС питался мелкобуржуазными утопическими иллюзиями о том, что УС заканчивает революцию и что революция может

---

[1] Речи И. Г. Церетелли, изд. «Луч», Петроград 1917 г., стр. 203.

остановиться перед фетишем конституанты, созданной меньшевиками и с.-р.

Разрешение рабочего, аграрного, национального вопросов откладывалось до УС. «С землей подожди до Учредительного собрания, с Учредительным собранием подожди до конца войны, с концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит», писал Ленин[1].

«Лучше постараться протянуть создавшееся положение на лишний месяц, чем решиться произвести эксперимент, могущий так дорого обойтись стране»—убеждал с.-р. Святицкий, доказывая необходимость отсрочки для того, чтобы избежать придирок по поводу недостаточной организации выборов.

То же самое писало «Дело народа» в октябре, обвиняя большевиков в том, что они предпочитают «вызвать кровавый мятеж и сорвать УС, нежели претерпеть в продолжение тридцати дней правительство Керенского и Кишкина».

«Постараться протянуть создавшееся положение на лишний месяц», «претерпеть тридцать дней»—этот «вопль души» мелкобуржуазной демократии ярко демонстрирует весь субъективизм ее позиции. Фетишизация УС как раз и заключалась в том, что с.-р. и меньшевики отрывали УС от объективной обстановки.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть», Ленин, полемизируя с новожизненцами, переносил вопрос в плоскость анализа объективных условий.

Ленин доказывал, что если в объективных условиях момента заложена «неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны», то ставить во главу угла созыв УС—значит целиком увлечься конституционными иллюзиями:

«Что же, голодный согласится ждать два месяца?—спрашивал Ленин.—Или разруха, о нарастании которой вы сами ежедневно пишете, согласится «ждать» до Съезда Советов или до Учредительного собрания? Или немецкое наступление, при отсутствии серьезных шагов к миру..., согласится ждать Съезда Советов или Учредительного собрания? Или вы имеете такие данные, которые позволяют вам заключить, что история русской революции, шедшая с 28 февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпом неслыхан-

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 68.

но быстрым, пойдет с 1 октября по 29 ноября темпом архиспокойным, мирным, легально-уравновешенным, исключающим взрывы, скачки, поражения в войне, экономические кризисы? Или армия на фронте, про которую не-большевик, офицер Дубасов, официально от имени фронта заявил, что она «воевать не будет»,—эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа? [1].

Но фетишизируя УС и вместе с тем идя навстречу стремлению буржуазии отсрочить его созыв, меньшевики и с.-р. впадали в неразрешимое противоречие. Чем больше ожиданий возлагали массы на УС, тем настойчивее становились требования о немедленном созыве УС. «Керенский и контрреволюционные кадеты, которые играют им, как пешкой, не могут ни созвать в назначенный срок УС, ни отсрочить его созыва, не углубляя в обоих случаях революции»,—так формулировал положение Ленин [2].

С другой стороны, нарастание революции вызывало все большую тревогу среди мелкобуржуазных партий—старая перспектива—сначала успокоение, потом реформы—получает распространение среди меньшевиков и с.-р., главным образом, в осенние месяцы 1917 г. Сначала разгром большевиков, установление «твердой власти», подавление крестьянских восстаний, реорганизация армии—потом широкий простор мирной реформационной деятельности УС.

3. *Настроение масс*

По мере приближения к Октябрю, интерес к УС возрастал. Резолюции, поступавшие во Всероссийскую комиссию по выборам из различных углов России, отразили эти настроения с исключительной яркостью. В то время, как телеграммы Ростовского общественного градоначальника, Совета союза казачьих войск Донского войскового малого круга, Туркестанского комитета настаивали на отсрочке созыва УС,—резолюции Горбатовского, Липецкого и других уездных исполнительных комитетов С. Р. и К. Д., Совета рабочих депутатов и рудничных комитетов Франко-русского общества, армейских частей—требуют скорейшего назначения выборов.

---

1 Ленин, Соч., т. XXI, стр. 283,

2 Там же, стр. 62,

«Обратиться к Временному правительству с ходатайством, чтобы оно ни при каких условиях не допускало больше никакой отсрочки выборов в Учредительное собрание»—гласит резолюция Липецкого уездного исполкома. «Просим Временное правительство ни в коем случае не отсрочивать созыв Учредительного собрания дальше ноября, ибо считаем, что отсрочка послужит во вред демократии и даст лишний козырь в руки врагов революции», заявляли жители хутора Романовского и Съезд Советов крестьянских и казачьих депутатов Кавказского отдела Кубанской области. И в то же время правление Пензенского союза земельных собственников просило отложить выборы в УС, «так как земства не сформированы, свобода выборов не обеспечена»[1].

Отсрочка выборов не только уничтожила конституционные иллюзии,—она разоблачала меньшевиков и с.-р. в глазах широких масс рабочих, крестьян и солдат. «Солдатские отклики с фронта»—письмо, направленное «к товарищам С. Р. и С. Д.» 20 сентября, полученное отделом по подготовке УС ВЦИКа из действующей армии говорит об этом с полною ясностью:

> «...мы раньше тоже учитывали ваши газеты, — писали авторы письма, — и всем нам было известно, что Учредительное собрание без всяких отсрочек должно быть в назначенное число, т. е. на 12 ноября, но полное собрание 27 ноября. Сейчас же мы тоже самое ваши газеты читали и встречаем противоречие за УС: об отсрочке неизвестно до какого числа также и месяца.
>
> Товарищи, мы на вас надеемся, что вы все выполните нам в своей газете. Но сейчас вот мы опять получаем ваши известия и видим во многих наших пунктах, что УС не имеет никакого успеха в выборе. Вот наши отклики к вам. И просим вас отозваться к нам с горячим душевным чувством на нашу просьбу, чтобы УС было посвящено на это число, на которое оно было раньше назначено..., а если будет отсрочка на дальнее время, то тогда вы вовсе про нас забываете, что мы содержуем родину. На фронте стоим без всякой смены, совершенно редкими рядами, голодные и холодные, и не знаешь, за что страдаем и погибаем. И надеемся на вас, что вы исполните все то, что назначено на вашъ указ ное число.
>
> *А если не исполнится, то придется нам солдатам что либо другое делать или думать, потому что ваши дела все отлажуются из числа на другое число.*

Составляли на фронте в лесу рядовые»[2].

---

[1] Резолюции в деле № 24, фонд XIII, АОР.

[2] АОР, фонд XXX, стр. Д/15. Дело № 4. Орфография подлинника, курсив мой. — *Н. Р.*

Даже с.-р. в начале октября начали как будто сознавать затруднительность положения. «Дождались», горестно восклицал Чернов по поводу новой вспышки аграрных беспорядков, признаваясь, что «отсидеться» от решения аграрного вопроса до УС не удалось. «Дело народа» откровенно сообщило, что «колеблющаяся политика и особенно ее поправение в последнее время все больше подрывают веру крестьян в УС [1].

Что массы плохо мирятся с теорией «отсрочек», в этом убеждались местные с.-р. Когда воронежский с.-р. пробовал убедить крестьян в недопустимости захвата помещичьего хутора, последние резонно отвечали: «Теперь народне право—постановили и заберем. Мы его обробляли своим трудом, хлиб—наш. Да и берем не дурно, а за гроши, платим гроши—тилько платим не пану, а положим в казначейство до УС. Мы теперь наставили тут своих людей, а приказчиков прогнали. Щоб никто ничего не трогал до УС».

Такая логика смутила провинциального с.-р. «Я окончательно был подавлен,—писал он,—не было слов, которые могли бы иметь силу воздействия, не было почвы, на которую можно было бы опираться. Я невольно чувствовал в душе,—они правы» [2].

2-й Самарский губернский крестьянский съезд, проходивший под руководством эсеровских вождей Брушвита, Климушкина и др., перебивал н.-с. Игаева, призывавшего подождать с землей до УС, ропотом: «Опять все ждать. Смутьян... Зачем смущаешь нас». «Многие ораторы,—писала в отчете о съезде эсеровская газета,—высказывали ту мысль, что мы возьмем землю, а УС останется только утвердить ее за нами» [3].

Рабочие, солдаты и крестьяне не соглашались с рекомендацией «претерпеть» и протестовали против того, что меньшевистско-эсеровские дела «отлажуются из числа на другое число». Субъективная философия Святицких и Черновых потерпела решительный крах.

---

[1] «Дело народа», № 173, 6/X 1917 г.

[2] Советы крест. депутатов, т. I, стр. 104—105.

[3] «Голос труда», — орган Воронежского губ. Комитета партии с.-р. № 20, 27/X 1917 г.

4. Выборы местных самоуправлений

Что перспектива укрепления власти и создания новых ее органов, которые могли бы руководить выборам и повлиять на их исход, построена на песке,—в этом кадеты точно так же, как и с.-р. и меньшевики скоро убедились. Задача, поставленная Временным правительством и партиями советского большинства—создание органов местного самоуправления—не была выполнена.

Выборы проходили в лучшем случае при пассивном отношении населения, которое нередко приходило в прямое противодействие. Выборная кампания развертывалась чрезвычайно медленно. Не малую роль сыграло и название самоуправлений—земство, которое будило у крестьян неприязненные воспоминания; от земских сборов до земского начальника включительно—крестьяне с недоверием относились к новому начинанию правительства. «Встречающиеся местами, как в Саратовской и Минской губ., попытки помещиков агитировать среди крестьян за участие в выборах приводят как раз к обратным результатам», писало «Дело народа», «крестьяне, не веря им, относятся недоверчиво и к самой работе». Абсентеизм на выборах часто достигал 80%. В одной из деревень Московской губ. старик-крестьянин объяснял отсутствие интереса к выборам: «дела-то у нас плохи,—повторял он,—хлеба нет, а в Петрограде своя война; на фронте бегут. Бог его знает, что может быть. Может из выборов ничего не выйдет». «Несмотря на самую широкую демократизацию отношение населения к нему (т. е. к земскому самоуправлению) враждебно», сообщал ставропольский губернский комиссар министру внутренних дел. В той же Ставропольской губ. население ряда волостей прямо отказывалось от земств; в одном из уездов крестьяне составляли наказы об уничтожении уже избранных органов самоуправления.

Предварительные итоги выборов в тех местностях, где они прошли в июле-августе, были благоприятны для меньшевиков и с.-р. Реакция после 4—5 июля сильно ударила по большевистской партии. Следующая таблица представляет собой сводку выборов по 44 губернским городам,

полученную Всероссийской комиссией по выборам 28 августа.

Распределение гласных по партиям (в %)[1].

С.-д. меньшевики	Большевики	С.-р.	Социалистический блок	К.-д.	Национ. группы	Внепартийные
6,6	6,7	16,5	38,1	13,1	7,3	11,7

Эта первая сводка, судя по всему, осталась последней. К тому времени, когда списки избирателей в УС должны были быть давно составлены, в большинстве губерний местные самоуправления отсутствовали.

---

[1] АОР, фонд 13, д. № 33.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

1. Партия с.-р. на выборах

Эсеровские «историки» УС—в эмигрантской литературе эта тема почти монопольно принадлежит с.-р.—весьма любовно останавливаются на истории первого и последнего дня российской конституанты. Играет ли здесь роль расчет на сострадание мелкобуржуазной демократии, или «скоротечная» память учредиловцев сохранила только самый момент крушения меньшевистско-эсеровских идеалов,—факт остается фактом: предистория 5 января 1918 г. не находит исследователей среди белогвардейских историков и мемуаристов. А между тем эта предистория УС представляет исключительный интерес, потому что она показывает нам главный персонаж в развертывавшихся в ноябре 1917—январе 1918 гг. событий. Как отнеслись массы к УС накануне его созыва. Не намечались ли контуры 5 января в октябре—декабре 1917 г. во время предвыборной кампании и выборов в УС?

Партией, которая могла надеяться получить большинство в УС, была партия с.-р. Располагавшая слабо развитой организацией, она неслыханно выросла за время Февральской революции, включив в свои ряды большое количество городской, мелкой буржуазии—так называемых «мартовских» с.-р. и, в особенности, крестьян. Расплывчатая программа, тактика Burgfrieden'a, славные предания о терроре 1900—1911 гг.—все это привлекло к с.-р. симпатии городской мелкой буржуазии. Крестьянство помнило партию с.-р. еще по 1905 г., как партию «крестьянскую». Эту репутацию с.-р. по наследству сохранили и в феврале. Старые лозунги «Земля и воля», «Вся земля всему народу» укрепляли доверие крестьян к партии. Насколько быстро рос количественный состав партии—показывает следующий пример. В особой армии Юго-западного фронта число «сочувствующих» партии с.-р., регулярно платив-

ших членские взносы, равнявшееся в мае 1917 г. 8 тыс.— в сентябре достигло 135 тыс., т. е. выросло в 17 раз.

Но этот рост был нездоровым. Он показывал, что крестьянская масса доверяла партии с.-р. «в кредит», надеясь на скорый раздел земли, на заключение мира. Политика же партии до и во время коалиции все больше и больше подрывала доверие к партии. Обещания социализации земли попрежнему красовались на газетных листах,—практика же демонстрировала задержку закона о запрещении земельных сделок, затягивание выработки земельного законодательства, отсрочку созыва УС, которое должно было окончательно решить вопрос о земле и, наконец, аресты земельных комитетов, произведенные по приказу «селянского» министра Чернова. В этом же направлении действовала военная политика партии. Наступление 18 июня было подготовлено при деятельном участии с.-р., ими были заняты почти все посты комиссаров войсковых соединений, с.-р. Керенский ввел смертную казнь на фронте.

Вскоре сказались последствия разношерстного классового состава партии. Первыми самоопределились правые с.-р., сгруппировавшиеся вокруг «Воли народа». Группа «Воли народа», обвинявшая в половинчатости партийное руководство, стояла за «твердую» политику, осуществляемую в тесном союзе с корниловской буржуазией. К осени начало оформляться левое течение—главным образом петроградской организации, где партийные низы испытывали наибольшее давление со стороны большевистски настроенных рабочих столицы.

Центр во главе с Черновым делал судорожные попытки сохранить партийное единство.

Наиболее ярким выражением внутрипартрийного кризиса является обращение «к партийным товарищам» группы старых работников партии с.-р. (Сем. Маслов, Ракитников, Быховский, Зензинов, Фейт, Пумпянский, Тимофеев, Авксентьев и др.), примыкавших к «центру». Обращение констатировало, что партия переживает состояние кризиса. Приток в партию большого числа «ненадежных» членов, разногласия по текущей политике, в особенности в вопросе о войне, идейный разброд в ЦК и центральном органе партии, ослабление партийной работы вследствие того, что многие члены партии заняты в муниципалитетах, обусловили, по мнению авторов обращения, необходимость изменить положение вещей. «Целость партии, ее моральный

авторитет в опасности»,—заявляло обращение. «...По всем вопросам у нас два, а то и три мнения; во все важные моменты у нас две, а то и три линии поведения. И по какой идет партия социалистов-революционеров,—никто не скажет... Партия соединила в своих рядах много, слишком много народа. Но она уже не столько армия, которая ведет борьбу за свои идеалы, за свою программу, сколько арена борьбы разнородных элементов...» Авторы обращения видели выход в выработке строгой тактической линии, не останавливаясь перед отсечением. «Теперь нельзя растяжимыми каучуковыми резолюциями создавать видимое единство между элементами, разошедшимися в разные стороны. Такое единство не проживет и дня»[1].

Но если «обращение» нащупывало некоторые верные черты диагноза болезни, то в определении методов ее устранения оно оказывалось бессильным. В качестве целебных средств авторы «обращения» предлагали бороться за мир без аннексий и контрибуций, за демократизацию и укрепление мощи армии. Считая, что социализацию земли должно провести УС, они считали необходимым урегулировать аграрный вопрос до созыва УС специальным законодательным актом, который бы передал всю землю во временное ведение земельных комитетов. Само собою разумеется, что непременным условием всех этих мероприятий авторы обращения считали сохранение коалиции.

Другими словами, болезни, коренившиеся в мелкобуржуазном центризме, предлагалось лечить центристской же программой действия. Это заранее осуждало «обращение» на роль лишнего документа.

Полевение партийных низов сильно сказалось после июля. Правда, партийному руководству удалось добиться перед выборами некоторого компромисса, когда разногласия в партии не были еще так заострены: вспомним, что списки кандидатов составлялись до Октябрьской революции. В УС партия шла с единым списком, включавшим и кандидатуры левых с.-р. Но в местных парторганизациях, в особенности в рабочих центрах партии происходило размежевание.

Полностью оправдывались слова Ленина о «симпатиях

---

[1] «Народ» — газета партии с.-р. и Нижегородского губ. совета крестьянских депутатов, № 46, 30/VIII 1917 г.

эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам».

На первом съезде партии левых с.-р. (интернационалистов) в конце ноября большинство делегатов отмечало трудность агитации за совместные списки партии с.-р. «сколько там ни говори, что мы—левые, они—правые,— заявлял представитель Одессы—Шифер,—массы, видящие общий список в УС и прежнюю совместную работу, этого не понимают, и партия с.-р. в глазах массы в данный момент сильно дискредитирована» [1].

Нередко избиратели, посылая в УС с.-р., давали ему наказ, содержавший большевистскую программу. В Ямбурге один крестьянин внес поправку к эсеровской резолюции: «Возьмем землю сами, если не даст УС». Благодаря этой «поправке» резолюция была провалена.

Кое-где эсеровские низы, не желая голосовать за объединенный список, переходили на сторону большевиков. Так было, например, в Баку, где собрание с.-р. Сураханского района 23 ноября (6 декабря) высказалось за поддержку власти Совета народных комиссаров, присоединилось к левым с.-р. (интернационалистам) и постановило голосовать за большевистский список в УС. [2]

Отход масс от партии с.-р. шел гигантскими шагами. Целые организации переходили к левым с.-р., которые образовали особую партию в ноябре. Лозунги большевиков проникали в самую гущу эсеровских партийных низов. На уездном крестьянском съезде в Елисаветграде в декабре 1917 г. с.-р. Компаниец, докладчик по земельному вопросу, начал свой доклад словами: «Декрет Ленина о земле вполне выражает крестьянские идеалы». По словам очевидца, «это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Аплодисменты на скамьях большевиков. Полная растерянность и возмущение среди с.-р.». [3]

Сказать, что партия с.-р. ко времени выборов не пользовалась никаким влиянием в массах,—было бы преувеличением.

В деревне, в особенности, в Сибири, на окраинах, в

[1] Протоколы 1 съезда партии левых с.-р. (интернационалистов), 1918 г., стр. 11.

[2] Беленький и Манвелов, Революция 1917 г. в Азербайджане, Баку 1927, стр. 212.

[3] «Годы борьбы», Сборник материалов по истории рев. движения на Зиновьевщине, 1927 г.

Центрально-черноземной области, на Украине—с.-р. продолжали доверять. Партийные организации с.-р. развили во время выборов усиленную агитацию, спекулируя на старых лозунгах социализации земли, которую проведут с.-р. в УС. Не мало выгоды получили с.-р. и потому, что они могли использовать крестьянские организации, которые, будучи формально непартийными, по существу целиком и полностью находились в руках с.-р. Эсеровская крестьянская печать на местах большей частью выходила под маркой Советов крестьянских депутатов; от имени этих же Советов с.-р. организовывали собрания, митинги, всю предвыборную кампанию. Как правило, с.-р. на выборах выступали с объединенным списком эсеровской партийной организации и Совета крестьянских депутатов. В Ставропольской губ., например, инструкция волостным Советам крестьянских депутатов о выборах в УС откровенно предлагала разослать всем избирателям список с.-р. и Крестьянского совета, вместе с конвертом для бюллетеня, а Исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов отказывались выдавать удостоверения большевистским агитаторам.

К наличию прочной организационной базы с.-р. в деревне присоединялась репутация с.-р., как единственной «крестьянской» партии.

Иначе обстояло дело в городах и в армии,—особенно на тех фронтах, которые находились ближе к Петрограду. Дискредитация эсеровской партии здесь была налицо. Отношение солдатской массы к с.-р. ярко нарисовал с.-р. Утгоф—видный деятель эсеровской военной организации, впоследствии помощник Савинкова в Ярославском мятеже [1].

Уже первые впечатления, полученные эсеровским агитатором на фронте, были неблагоприятны. В корпусном партийном бюро Утгоф столкнулся с настроением невозможности бороться против большевистской стихии. В армейском комитете партии он узнал, что солдаты не дают говорить с.-р., что из двадцати пяти членов партии, освобожденных для предвыборной агитации, осталось только пять, остальные разбежались. Даже из кандидатов в УС в армии осталось только два человека—остальные последовали примеру агитаторов.

---

[1] «За народ» — журнал, изд. военной комиссией при ЦК партии с.-р., № 1, 1 декабря 1917 г.; В. Утгоф, По фронту.

Доклад Утгофа о выборах в УС в 66-м Бутырском полку собрал мало народу—пришло 300—400 человек, и то из двух полков.

Утгоф к своему удивлению обнаружил, что его слушатели вовсе не интересуются темой собрания. «Лекция окончилась, попрощались. Хлопать не хлопали, возражать не возражали». На вопрос Утгофа о причинах такой пассивности председатель крестьянской секции ответил: «Вот если бы вы не об Учредительном собрании говорили, а о мире, то народу было бы много». Явление это было не единичным; предположение Утгофа выступить с докладом об УС в других полках не осуществилось. Утгоф долго еще ездил по частям, «подгоняемый, по его словам, мыслью, что УС бывает один раз в 300 лет и ради него стоит постараться», но результаты поездки не изменились. В одном полку председатель полкового партийного комитета категорически заявил, что предвыборного собрания устроить нельзя, так как «солдат ничто не интересует, кроме мира». В другой части, где все же удалось созвать собрание, Утгоф попал под перекрестный огонь неприятных вопросов. «Зачем организовывали ударные батальоны,—спрашивали солдаты,—в чьих интересах было наступление 18 июня; для чего ввели смертную казнь на фронте; почему расстреливали солдат, а Корнилова оставили в покое?» Тема митинга — Учредительное собрание — осталась в стороне, а Утгоф постарался закончить собрание. Он выбрал, по его словам, «удачный момент кончить диспут, пока меня не арестовали и не намяли мне бока».

В результате поездки Утгоф твердо усвоил отношение масс к эсеровской платформе—«Две вещи не будут слушать ни в коем случае,—это проповедь продолжения войны и защиты Керенского».

Итак, массы интересовались не характером будущей конституанты, а политикой сегодняшнего дня. Но как раз эсеровская агитация либо не давала ответов на «проклятые вопросы», либо отвечала так, что отвечавшие Утгофы рисковали своими боками.

Авторитет с.-р. сильно колебался и на тех фронтах, где влияние большевиков было сравнительно слабым. Так, например, Авксентьев, приехавший в последних числах ноября на Юго-западный фронтовой съезд, на котором с.-р. располагали двумя третями всех голосов, не мог до-

биться сочувствия даже со стороны своих товарищей по партии. «Все его (т. е. Авксентьева.—Н. Р.) резоны, все его стремления выяснить сущность большевистского переворота и показать, что этот переворот направлен прежде всего против принципа народоуправства и Всероссийского учредительного собрания, разбивались о каменную стену взаимного непонимания большей части фронтового съезда», вспоминает с.-р., участник съезда. «Но если было в порядке враждебное отношение к Авксентьеву со стороны большевистски настроенной половины съезда, то более досадным и неприятным был факт непонимания его тезисов эсеровской фракцией. Сколько энергии пришлось потратить Авксентьеву, чтобы убедить своих единомышленников по фракции, что нельзя совмещать и сливать воедино два лозунга: «Вся власть Советам» и «Вся власть УС». И когда, наконец, большинство фракции согласилось с положением, защищаемым Авксентьевым, то меньшинство откололось, образовав несуществовавшую до тех пор на съезде фракцию левых с.-р.».

Автор воспоминаний подчеркивает, что распад эсеровщины шел стихийно, снизу. «Наши фронтовые левые с.-р.,—пишет он,—не только не имели партийных лидеров, но были чужды интернационалистских тенденций левых с.-р., внутри страны находящихся. Они хотели одного—чтобы вся власть принадлежала Советам до созыва пресловутого УС» [1].

Когда большевики, во главе с Крыленко, согласились с указанием на временный—до УС—характер советской власти,—эсеровский съезд принял большевистскую резолюцию.

Но если с.-р. все же рассчитывали на большинство голосов в УС, то меньшевики не могли претендовать даже хоть на сколько-нибудь компактное меньшинство.

В деревне меньшевики не пользовались абсолютно никаким влиянием, в городах за ними шли ничтожные группы рабочих и часть мелкобуржуазной интеллигенции. Впрочем, настроение меньшевистских низов показывало, что меньшевикам трудно выступить со своей программой даже перед сочувствующими. Это сказалось при составлении кандидатских списков. «Петербургская организация (мень-

---

[1] Б. Соколов, Защита Всероссийского учредительного собрания, Архив русской революции, изд. Гессена, т. VIII, стр. 22, 23.

шевиков),—рассказывает Суханов,—находившаяся в руках интернационалистов, составила список только из своих людей. Этим выбрасывались все лидеры официального меньшевизма, что было совершенно неприлично для последнего. После долгих хлопот и ходатайств Мартова решили было внести в список Церетелли. Но это вызвало такой отпор в районах, что Церетелли к ужасу и негодованию буржуазной печати был спешно вычеркнут опять. Официальный меньшевизм остался не представленным в столице»[1]. Меньшевик Ерманский, проводивший предвыборную кампанию в Псковской губ., еще до Октябрьской революции был поражен изменившимся настроением масс. В одном и том же городе Ерманский провел два предвыборных собрания—с промежутком в одну-полторы недели. В первый раз его встречали хорошо. На втором собрании злополучный оратор мог уйти с митинга лишь под охраной «другой части» собрания (с очень небольшим участием солдатского элемента, в то время, как солдатская масса «пылко поддерживала его оппонента»)[2].

2. *Агитация большевиков*

Избирательные комиссии Пошехонского у. Ярославской губ. аннулировали, по причинам формального порядка, два избирательных бюллетеня: оба избирателя, из которых один подал свой голос за кадетов, другой—за большевиков, написали на оборотной стороне бюллетеня агитационные надписи.

«Нам нужны совесть, порядок. Должен быть хозяин, а не так: сегодня я, а завтра ты, писал кадетский избиратель, избравший наивный псевдоним «крестьянина надельной!» земли. «А большевики что сделали—только разгромили столичные города и губернские и уездные и присоединили всю шатию, вора, душегуба, зимогора, лентяя, которые жили чужим воровским добром. И что это большевик может сделать хорошее.

И чем наделить, только оголодать всю Россию и раздеть до конца».

Крестьянин, подавший голос за большевиков был более

---

[1] Суханов, Записки о революции, кн. VI, стр. 196.
[2] О. Ерманский, Из пережитого, Гиз 1927, стр. 181.

лаконичен; он ограничился одной фразой, написанной корявым почерком и существенно грешившей против правил орфографии: «жалаю скорей долой войну: из-за войны помираем з голоду».

Эта пошехонская агитация не оставляет желать ничего лучшего по своей красочности и выразительности. В случайных надписях как в капле воды отразились приемы и классовые мотивы большевистской и буржуазной агитации на выборах в УС: вся предвыборная кампания была, в сущности говоря, вариантом агитации безымянных избирателей Пошехонья.

Агитационная кампания большевиков по своему характеру резко отличалась от кампаний к.-д., с.-р. и меньшевиков. Во-первых, она не была агитационной предвыборной кампанией в обычном смысле. Если с.-р. и меньшевики, выступая во время выборов против советской власти, переносили центр тяжести своей агитации на формальный момент, на созыв УС, которое ликвидирует узурпаторскую попытку большевиков, то большевики выставляли четкую позитивную программу. Мир и земля—с этими лозунгами прошла Октябрьская революция, с этими же лозунгами обращались большевистские агитаторы к массам. В этом направлении велась и подготовка агитаторов. Доклад военной организации на Петроградской общегородской конференции об агитаторских курсах отмечал: «на произведенном экзамене выяснилось, что по таким вопросам, как война, земля, классы и партия, они (т. е. агитаторы) оказались вполне готовыми» [1]. И недаром главные агитаторы большевистской партии на выборах в УС в деревне шли из армии, где оба требования—земли и мира—заострялись сильнее всего еще до октября. «Кто был в это время (выборов в УС) агитатор-пропагандист большевистских идей среди крестьянства?» спрашивает историк революционного движения в Черниговской губ., и отвечает: «Конечно, прежде всего, солдат, который вернулся с фронта. Он сеял семена «большевистской заразы» в массах. Он часто, неясно уясняя себе программные положения большевиков, бросал в массы уже достаточно хорошо ус-

[1] Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и сентябре 1917, Гиз 1927, стр. 114, 115.

военные большевистские лозунги—долой войну, земля крестьянству, да здравствует советская власть трудящихся»[1].

Большевистский агитатор большей частью являлся и непосредственным проводником Октября в деревне—поэтому его агитация нередко принимала «предметный характер»: «солдат-фронтовик,—пишет В. Кнорин,—был основным большевистским агитатором в белорусской деревне, он приносил крестьянину листовку, он советовал ему и на деле помогал поскорее расправиться с помещиком»[2].

Козловский корреспонденг «Дела народа» сообщал, что большевистские агитаторы «в большинстве солдаты, свободные от всякой работы, не связанные никаким делом(?). Да и проще к делу относятся. Был бы грамотен, смог бы прочесть большевистский декрет, этого и довольно»[3].

Подобные же сведения передавал корреспондент нижегородской эсеровской газеты, объяснявший победу большевистского списка в одной из волостей «агитацией солдат, только что прибывших на родину». Немалую роль сыграли солдатские письма, доносившие идеи «Окопной правды» и весь агитационный материал фронтовых большевиков до самых отдаленных и глухих деревень. Можно было конфисковать большевистские газеты и листовки, но никакая цензура не могла задержать поток солдатских писем быстро передававших в деревню все изменения кривой политической температуры в армии.

Большевистские партийные организации успешно использовали в деревне рабочих агитаторов. Так, например, петроградская «военка» направляла через рабочие землячества литературу в деревню, Вологодская организация послала по деревням специальную экспедицию из рабочих Вологодских железнодорожных мастерских, Сухонского артиллерийского завода и фабрики «Сокол». В результате агитационной кампании этой экспедиции многие крестьянские советы перешли на сторону большевиков. Рабочих агитаторов посылали по деревням ижевские и сормовские большевики. В Московской губ. работницы большевички Яхромской фабрики обошли пешком почти

---

[1] В. Щербаков, Жовтнева революція й роки громадяньской боротьби на Чернігівщини, Чернігів 1927.

[2] В. Кнорин, 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, Минск 1925, стр. 70.

[3] «Дело народа», № 242, 28/XII 1917 г.

весь Дмитровский уезд, подготовив победу большевистского списка [1].

Главным преимуществом большевистской агитации была ее действенность. Большевики опирались не на «законные» учреждения, достаточно дискредитировавшие себя перед массами за 8 месяцев Февральской революции—они звали к строительству *своей* власти. Против эсеровского рефрена «ждите до Учредительного собрания» большевики в предвыборной агитации призывали к «прямому действию». И эти призывы были не только декларацией—законодательство Совета народных комиссаров выполняло обязанности лучшего агитатора. Ко дню выборов были широко известны два основных декрета—о мире и земле; был объявлен жилищный мораторий, декретировано вселение рабочих в квартиры буржуазии, организация рабочей милиции, восьмичасовой рабочий день, ограничение женского труда, организация волостных земельных комитетов, берущих в свое распоряжение всю землю и угодья. Газеты опубликовали декларацию прав народов России о свободе национальностей. 9/XI Совнарком обратился к трудящимся с призывом взять в руки управление государством, установить контроль над производством и приступить к социализации земли; против буржуазии был направлен декрет о печати. Словом, все было сделано для того, чтобы классовый характер новой власти и действенность политики партии стали максимально ясны.

Партия сознательно считалась с перспективой УС, и как раз эта перспектива обусловила интенсивность советского законодательства в первый месяц существования советской власти. «Издавая декреты, мы не исключали возможности прохождения их через УС,—вспоминает Шляпников.—Поэтому многое в декретах носило декларативный и агитационный характер. Некоторые товарищи даже спешили издавать как можно больше декретов и постановлений, чтобы поставить будущее УС перед фактами. К таким принадлежал т. Ларин, поспешивший без ведома коллегии издать декрет о 8-часовом рабочем дне, поправив проект, заготовленный в бывшем министерстве труда» [1].

---

[1] М. *Ветошкин*, Революция и гражданская война на севере, Вологда 1927 г.; Е. *Попова*, Московская провинция в 1917 г., М. 1927 г., стр. 100.

[2] «Пролетарская революция». 1922 г., № 10, стр. 33.

Что могли противопоставить этим законам с.-р. и меньшевики? «Дело народа», полемизируя с большевиками в день выборов, доказывало, что большевистская партия не имеет своей аграрной программы и не верит в уравнительное распределение земли. Квалифицируя декрет, как кость, брошенную голодному крестьянству, «Дело народа» вместе с тем обвиняло большевиков в краже эсеровской аграрной программы. «Народный социалист» Огановский, примкнувший к с.-р., назвал декреты Совнаркома заборными плакатами. А предвыборная агитация вологодских с.-р. «клонилась к восхвалению личностей кандидатов, заслуги которых они афишировали в огромных плакатах с портретами Маслова, Сорокина, с их подробными биографиями. Казалось, весь политический смысл избирательной кампании сводится к личным заслугам и качествам тех людей, которых крестьянство должно было послать в УС»[1].

С.-р. и к.-д. располагали, кстати сказать, большими средствами на предвыборную агитацию, нежели большевики. Красочной иллюстрацией этого является листовка новгородских большевиков, выпущенная перед выборами в УС. «Почему нас, большевиков все опровергают и клеветничают,—говорилось в листовке.—А потому, что наша партия состоит из самого беднейшего рабочего и крестьянского класса и не может распространить в полном количестве литературы и газет, чтобы пояснить вам все наши требования и программу. А все прочие партии состоят из богатых сословий, поэтому они забрасывают вас своими книгами и газетами и заблуждают вас и клевещут на нашу бедную, не имеющую средства РСДРП (большевиков)». [2]

От с.-р. не отставали меньшевики. В предвыборном листке, появившемся еще до Октябрьской революции, Дан настаивал на «самоограничении» как рабочих, так и буржуазии в революции; Маслов писал об «отчуждении» частновладельческих земель, деликатно умалчивая о вознаграждении помещикам. В другой листовке, относящейся к послеоктябрьским дням, меньшевики обвиняли большевиков в том, что они «вели борьбу против заключения мира», так как большевистская партия выступала против Стокгольмской конференции.

Беспочвенность меньшевистско-эсеровской агитации бро-

---

[1] М. Ветошкин, Революция и гражданская война на севере, Вологда 1927 г., стр. 88.

[2] См. «Красная летопись», № 3 (24), 1927 г., стр. 43.

салась в глаза. Массы не справлялись с историей партии, чтобы найти подтверждение эсеровским обвинениям (Чернов апеллировал для доказательства враждебного отношения большевиков к крестьянству даже к «отрезкам»)—их столь же мало интересовало авторское право в применении к аграрной программе, сколько и отношение меньшевиков к Стокгольму. Но авторство декретов о земле и мире не могло вызвать никаких сомнений. По «заборным плакатам уже делили землю; уже начинались переговоры о перемирии,—переговоры, оказавшиеся весьма эффектной агитацией. «Надо сказать,—признается Станкевич, человек, которого нельзя упрекнуть в сочувствии большевизму,—что смелый шаг большевиков, их способность перешагнуть через колючие заграждения, четыре года отделявшие нас от соседних народов, произвели, сами по себе громадное впечатление. Мы все настаивали, что большевики не смогут дать мира стране» [1].

С.-р. и меньшевики были известны массам как партии, выступавшие за войну; большевики укрепляли репутацию своей партии как партии мира. В Витебской губ. крестьяне, узнав, что агитатор, приехавший в деревню,—большевик, спрашивали, скоро ли вернутся с фронта «кормильцы». В Нижегородской губ. крестьянин в беседе с эсеровским агитатором говорил, что за большевиков будут голосовать солдатки: «Они прямо взбаламутились—большевики де обещают сейчас же мир, а солдаткам это главное: «Подай нам наших мужей». В той же губернии солдатка говорила другой женщине, подавшей голос за список духовенства: «Тебе, конечно, все равно, за какой номер голосовать; у тебя муж-то дома, так ты и подаешь за попов. А у меня вот уже три года муж на войне—я за № 7 (большевиков), чтобы скорее кончить войну».

И не даром даже оптимистически настроенный нижегородский с.-р., описывавший выборы в Нижнем, отмечал: «Больно было глядеть в угрюмые солдатские лица, с упорством твердившие: «большевики дадут мир, революция уже во всех странах, мы боремся с буржуазией, перемирие уже на всех фронтах» [2].

А козловский корреспондент «Дела народа» не мог не отметить, что «простота и доступность аргументации также

---

[1] Станкевич, Воспоминания 1914—1919 гг., стр. 149.

[2] См. «Народ», газета партии с.-р. и Нижегородского губ. совета крестьянских депутатов, 1917 г, № 101, 14/X.

были на стороне большевиков: «Ежели кто за мир,—голосуйте за № 7 (большевиков)».

Таким образом большевистская агитация во время выборов в УС по существу своему была направлена против буржуазного парламентаризма и фетишизации УС.

«Наши агитаторы,—вспоминает один из руководителей витебской большевистской организации,—зачастую пешком, полуграмотные, полуголодные и оборванные шли в деревни в крестьянство, *имея на руках не плакаты и кричащие афиши, а лишь скромный декрет рабоче-крестьянского правительства о земле с напечатанным сверху «№ 5» и призывом голосовать за него, за список социал-демократов большевиков»* [1].

Листовка витебских большевиков наиболее красочно, даже символично, выразила сущность большевистской агитации на выборах в УС.

---

[1] «Красная быль», Витебск 1923 г., стр. 110.

Г Л А В А П Я Т А Я

СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Вопрос об Учредительном собрании после Октября

Контрреволюционный «мемуарист» Суханов сочинил в свое время легенду по поводу «обмана», учиненного партией большевиков в вопросе об УС. Суханов, утверждая, что вся большевистская агитация до Октября велась под знаменем УС и его защиты, обвиняет партию в измене своим прежним принципам, а Ленина—в шантаже. «Ленин конспирировал от партии, а партия, не связав концы с концами, принимала УС за чистую монету и распиналась за него. Так было вначале». Позднее «Ленин, дав первоначально пинка УС, а затем решив дипломатически помолчать о нем, скоро пришел к идее использовать его»[1].

Суханов доказал только тот неоспоримый факт, что мелкобуржуазная демократия, даже спустя несколько лет после Октябрьской революции, не смогла понять большевистской тактики в вопросе об УС. Эта тупоумная ограниченность позволила Суханову усмотреть в большевистской тактике «обман», «надувательство», «демагогию».

В вопросе об УС партия свела концы с концами задолго до Октября. Принципиальное признание Советов высшей формой государственной власти, по сравнению с парламентом, было принято партией в апреле. Но апрельские тезисы не только не отрицали, но предполагали использование лозунга УС для разоблачения буржуазии и мелкобуржуазной демократии. И накануне Октября и после Октябрьской революции партия считалась с реальной возможностью УС, одновременно ведя борьбу против его фетишизации. «Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, писал впоследствии Ленин, а говорили об апрельской (1917) конференции нашей партии, говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше, такой же республики без

[1] Суханов, Записки о революции, кн. VII, стр. 16, 17.

учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики» [1]. На заседании Петроградского комитета партии 5(18) октября Сокольников от имени ЦК заявил: «Отношение к УС. Точка зрения ЦК—мы берем власть до созыва УС. Наша партия не возьмет на себя отсрочку УС и через него мы будем проводить те типы Советов, которые нам нужны». «Нам нужно разбить иллюзии, связанные с УС,—говорил в этом же заседании Бубнов,—нужно сказать массам, что сила и властность УС есть сила и властность того или иного класса. И, если мы хотим, чтобы УС было наше, то сперва должны взять власть в свои руки» [2].

От созыва УС нельзя было отказаться—это означало бы прыжок через иллюзии, связанные с УС. Но эти иллюзии нужно было преодолеть. Такая тактика разрушала перспективы меньшевиков и с.-р., надеявшихся восстановить массы против большевиков путем спекуляции на лозунге УС. «Большевики против УС»—этот клич раздался со страниц прессы мелкобуржуазных партий еще до Октября и в особенности усилился в послеоктябрьские дни. Поддаться бойкотистским настроениям, которые кстати сказать имели место, например, на Украине и в Петрограде—значило бы сыграть на-руку меньшевикам и с.-р. Это подтверждает между прочим и столь авторитетный свидетель, как В. Набоков, член Всероссийской комиссии по выборам в УС. «Все ожидали,—пишет он,—что большевики начнут кампанию против УС. Они оказались хитрее» [3].

С первых же дней Октября партия ориентировалась на созыв УС. 27 октября был издан декрет Совета народных комиссаров о необходимости произвести выборы в УС в назначенный срок, т. е. 12 ноября. Всем избирательным комиссиям, органам самоуправления, Советам, солдатским организациям—предлагалось «напрячь все силы» для того, чтобы осуществить декрет.

Всероссийская комиссия по выборам пыталась противодействовать постановлению Совнаркома. В воззвании, изданном 7 ноября, Комиссия заявляла, что Октябрьская революция создала «противогосударственные условия для

---

1 Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVII, стр. 124.

2 Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., изд. 1917 г., стр. 302, 309.

3 «Архив русской революции», Берлин, т. I, стр. 89.

выборов». Возможность выборов в УС обусловливалась выполнением законных требований. По отношению к советской власти Комиссия заняла агрессивную позицию. Комиссия отказалась познакомить представителя Совнаркома с положением дел и постановила временно прервать занятия ввиду закрытия буржуазных газет и нежелания Комиссии сноситься с Совнаркомом. Набоков в своих воспоминаниях разъясняет мотивы этого саботажа: в первые две недели после переворота члены Комиссии, как и все партии, представленные в ней, надеялись на скорую ликвидацию большевистского правительства. Впрочем, после краткого ареста членов Комиссии деятельность их возобновилась. В конце ноября после выборов Комиссия была распущена. Подготовку созыва УС Совнарком возложил на комиссара по делам УС—Урицкого.

Вопрос об отсрочке УС поднимался в рядах самой партии большевиков. Судя по некоторым известиям на такой отсрочке с целью выиграть время, в частности произвести выборы по новым спискам, которые соответствовали бы действительному делению партий, настаивал Ленин. По некоторым сведениям особенно энергично возражал против отсрочки Свердлов, связанный с провинцией. Противники отсрочки считали, что откладывать созыв УС—значит ослабить позиции партии и советской власти на местах. Было решено не отступать от назначенного срока.

Отсрочка посеяла бы недоверие к большевикам, особенно в тех губерниях, куда еще недостаточно громко донеслись отзвуки Октябрьской революции. Скорейший созыв, или по крайней мере выборы УС были необходимы для преодоления тех же иллюзий в вопросе об УС, о которых мы говорили выше. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что Ленин, настаивая на отсрочке созыва УС, считался с необходимостью выиграть время для разоблачения с.-р. и меньшевиков и одновременно для изоляции правых элементов внутри партии.

Противник развил сильную агитацию за немедленный созыв УС. С.-р. отбросили после Октября всякие доводы о «технической» невозможности произвести выборы в назназначенный срок. «Технической стороной... вопрос о возможности произвести выборы в назначенный срок не исчерпывается. Более сложной является политическая сторона вопроса», писал Вишняк. Вишняк считал, что лучше отказаться от требований безусловной правильности вы-

боров, нежели отложить их, так как «призыв к общей отсрочке выборов выбил бы из рук противников большевизма сильное орудие борьбы с ними». Пусть, где можно выборы идут хотя бы и несовершенно, под лозунгом: «Ни одного голоса большевикам»[1].

С.-р. форсировали выборы сознательно, понимая, что большевики используют каждый день отсрочки. Но они ошибались так же как и тогда, когда в угоду к.-д. затягивали созыв УС.

В представлении масс УС не было бесплотным идеалом, каким его рисовали эсеровские литераторы. Созыв УС для рабочих, крестьян и солдат связывался с конкретными мероприятиями, которые УС должно будет немедленно провести в жизнь. Согласно эсеровскому евангелию УС обладало высшим авторитетом, оно представляло собой идеальное выражение «общенародной воли», верховную инстанцию, на решения которой не могло быть никакой апелляции.

В действительности народ не был заражен эсеровским идеализмом. «Когда ставился вопрос,—а что если УС решит воевать, то это вызывало некоторое смущение, вспоминает с.-р. Соколов, и чувствовалось, что вера в УС имеет свои границы, довольно резко очерченные и связанные в сущности с вопросом весьма животрепещущим, с вопросом о войне»[2].

С.-р. тщетно пытались ввести «народное сознание» в демократическое русло. Стараясь доказать, что УС не может пойти против трудящихся масс, они выдвинули идею референдума, который должен быть произведен в случае если решения УС не совпадут с требованиями народа. Но защита высших принципов демократии наткнулась на непредвиденные возражения. На митингах в Преображенском и Семеновском полках, накануне открытия УС солдаты решительно протестовали против идеи референдума, усматривая в ней лазейку для дальнейшей отсрочки заключения мира, передачи земли крестьянам и т. д. «Что же,—говорили они,—коли какой закон не понравится, то будут

---

[1] «Дело народа», № 202, 7/XI 1917 г.

[2] Б. Соколов, Защита Всероссийского учредительного собрания, «Архив русской революции», изд. Гессена, т. VIII.

всю Россию опрашивать. Вот волынку-то заведут. Тут земли и до второго пришествия не получишь» [1].

Самый факт Октябрьской революции и ее первых шагов подрывал авторитет УС. Один из товарищей, работавший в первой артиллерийской бригаде в Москве, отмечал «отсутствие у солдат интереса к тому, что им не пригодится и из чего они не смогут извлечь пользу. Так обстоял вопрос с УС—раз декреты о земле и свободе были подписаны, им оно уже не нужно было» [2].

Московский гарнизон не представлял исключения. На заседании Петроградского комитета партии представитель 2-й автомобильной роты школы сварщиков сообщал, что «солдаты не очень сознательно относятся к выборам» (в УС). Они говорят: «на что нам УС, когда власть в наших руках».

Так, конечно, рассуждали передовые слои рабочих и солдат. В широких слоях к УС не относились с резким отрицанием, но и не идеализировали его.

Если лозунг безоговорочной передачи власти УС фигурировал в резолюциях таких учреждений, как президиума Временного совета республики, Комитета спасения родины и революции, городских дум, Земского союза, то реализм масс сказался в условной поддержке УС. Наказ одного из волостных земских собраний Новгородской губ. требовал передачи власти УС и обещал «поддерживать УС до последней возможности, если таковое пойдет навстречу угнетенного народа и родины», заключит немедленный почетный всенародный мир, утвердит и проведет декрет о земле и о контроле над производством. Наказ дивизионного обоза 60-й дивизии, выдвигавший эсеровскую земельную программу и требование демократической республики, настаивал на ликвидации «богомерзкого избиения трудящихся масс по вине деспотов и паразитов богачей в самое короткое время» [3].

Общее собрание крестьян нескольких селений Повенецкого уезда Олонецкой губ. постановило требовать открытия УС при наличии 400 членов, но, говорилось в резолюции собрания, «доверяем ему (УС), пока оно будет

---

[1] С. Милицын, Из моей тетради (последние дни Преображенского полка), «Архив русской революции», изд. Гессена, т. II, стр. 182.

[2] «Пролетарская революция», 1928 г., № 1.

[3] АОР фонд XV, дело № 4 с наказами канцелярии УС.

творить волю трудящегося народа, а в настоящее время признаем советскую власть, как выражателя воли трудящего народа».

Крестьяне села Изнаира (Саратовск. губ.) прямо заявляли, что «избранное в ноябре Учредительное собрание не может быть исполнителем воли народа, так как тт. Керенский, Милюков и Родзянко не могут исполнять,—они учились только приказывать и давить» [1].

Перспектива возможного разгона УС не была чужда массам. Еще до Октябрьской революции меньшевик Ерманский встретил на митинге в Псковской губ. оппонента, матроса, который заявил: «Если УС будет действовать не по-нашему, мы его разгоним».

После Октябрьской революции, идея роспуска УС, в случае если оно не примет советскую программу, нашла сочувствие в крестьянских и солдатских низах, не говоря уже о рабочих. «Признаем УС исполнителем воли истинного хозяина земли русской—трудового народа, выражающего свою волю через Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,—говорилось в наказе делегатам VI армейского корпуса на III съезд Советов.—Если же УС пойдет против этой воли и не признает декрета Совнаркома, то такое УС должно быть распущено». Наказ Совета Р. и С. Д. г. Лебедина Харьковской губ. выдвигал перед УС требование подтверждения всех декретов советского правительства и признания советской власти. О том же говорили резолюции 4-го крестьянского съезда Ставропольской губ., наказы 23-й пехотной дивизии, частей дивизии, входящих в состав 27-го армейского корпуса V-й армии и других организаций. Большинство наказов также отчетливо ставило вопрос и о роспуске УС.

«Мы солдаты-окопники,—гласил наказ крестьянских депутатов 64-й пехотной дивизии, 64-й артиллерийской бригады с артиллерийским парком,—приветствуем УС и будем поддерживать ее, но только желаем от нея, чтобы она защищала интересы трудового народа и исполняла волю трудового народа и закрепила нам Октябрьскую революцию, но ежели она будет итти против народа и не закрепит завоевания нашей свободы, то мы ее, солдаты-окопники, никак не признаем и придется ее тогда разогнать и протестуем мы против всех злых элементов, как, на-

---

[1] Советы в октябре. Сб—к документов, стр. 175 и 177.

пример, кадеты, калединцы и корниловцы, разные Милюковы и Гучковы, которым не место быть в УС: они только будут тормозить наш пролетарский механизм»[1].

Однако массы, даже та часть их, которая была настроена против с.-р., настаивали на скорейшем созыве УС.

С этими требованиями партия не могла не считаться. Что дело шло именно об иллюзиях, показывают наказы крестьянских и армейских организаций в УС. Практические предложения этих наказов большею частью представляют собой большевистские или лево-эсеровские резолюции; но наряду с этим наказы требуют немедленного созыва УС. Наказ земских гласных Перевесской волости Балашевского уезда Саратовской губ. выборным членам в УС—с.-р. «левой стороны» категорически настаивал на немедленной ликвидации войны, которая «ведется капиталистами и помещиками», считал необходимым переложить тяготу займов на капиталистов, передать всю промышленность в общенародное достояние и установить контроль над производством. И этот же наказ угрожал «строгими мерами до силы оружия» тем, кто захочет сорвать УС. Другой наказ волостного земского собрания Новгородский губ., выдвигая большевистскую программу действий, также требовал немедленного созыва УС и передачи ему власти [2].

Резолюция воинской команды Кинешемского воинского начальника, заявляя о подчинении «народной советской власти рабочих, солдат и крестьян» и о готовности подавить самым беспощадным образом контрреволюцию, требовала немедленного созыва УС.

Чуткость партии к таким настроениям сказалась не только в сохранении прежнего срока выборов, но и в том, что все мероприятия советского правительства, например, важнейшие декреты о мире и земле и само правительство были объявлены временными, действующими до УС.

2. *Тактика большевиков*

С приближением срока созыва УС стали более ощутимыми те внутрипартийные разногласия, которые возникли еще

[1] АОР, фонд XXX, д. № 15. Наказы, данные с мест делегатам на III Всероссийский съезд Советов и на Всероссийский крестьянский съезд.
[2] АОР, фонд XV, д. № 4.

задолго до Октября. Наибольшую опасность представляло правое течение, разделявшее социал-демократические иллюзии. Принципиально нового во взглядах этих товарищей ничего не было—они логически завершали линию Каменева в апреле, линию Зиновьева в октябре 1917 г.

Правительство не располагает достаточной силой, утверждали Зиновьев и Каменев. Буржуазия не может сорвать УС. «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии». В УС большевики могут рассчитывать по крайней мере на треть мест. «Позиция мелкобуржуазных партий в УС не сможет быть во всем такой, какой она является сейчас. Прежде всего отпадает их лозунг: «С землей, со свободой жди Учредительного собрания!». Обострение нужды, голода, крестьянского движения будет все больше на них давить и заставлять их искать союза с пролетарской партией против помещиков и капиталистов, представленных партией кадетов». В перспективе «комбинированный тип государственных учреждений»—Учредительное собрание плюс советы.

Выступавшие против восстания возлагали свои надежды на легальное установление «комбинированного типа государственных учреждений»—УС и Советов. Такой комбинированный тип мог явиться переходным этапом к советской республике, но лишь после революции, когда УС, занимая подчиненное положение, растворилось бы в органах советской власти.

Но для Каменева и Зиновьева расчеты на сожительство советов и УС делали ненужной революцию. «Если нашей революции не суждено погибнуть, если ей дано победить,—писал Зиновьев,—то мы увидим на практике комбинированный тип республики Советов и УС. Если то, что мы называем «второй революцией» (т. е. победа рабочих и крестьян над буржуазией и помещиками), может произойти мирно, то только по пути такой республики. Это будет тогда легальная революция такого громадного размаха, которого не знает еще история»[1]. Отвлеченную возможность такого перехода признавал и Ленин. Новая революция, по его словам, «могла бы, рассуждая чисто теоретически, беря вопрос абстрактно, произойти легально, если бы, например, Учредительное собрание, созванное буржуазией, дало большинство против нее,

[1] Зиновьев, Соч., т. VII, ч. I, стр. 334, 435.

дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян» [1].

Но именно потому, что конкретная действительность опровергала это допущение, Ленин ориентировал партию на восстание.

Тактика, предлагавшаяся Зиновьевым и Каменевым, была тактикой парламентского кретинизма и конституционных иллюзий. Противники восстания доказывали, что перспективы большевиков в УС блестящи. «Довод филистера, который считал, что Учредительное собрание созывается и доверчиво успокаивается на легальнейшем, лойяльнейшем конституционном пути»—отвечал Ленин. Благодушные ссылки на «бессилие» правительства сорвать УС, обосновывавшие в речах капитулянтов оборонческую тактику, разоблачались Лениным. Корниловцы готовятся сдать Питер немцам, корниловцы после августовского периода, кой-чему научились, говорил Ленин, «... мы не в праве ждать пока буржуазия задушит революцию».

Теперь мы знаем, насколько прав был Ленин, когда он доказывал, что мы не в праве ждать пока буржуазия задушит революцию... Жак Садуль, член французской военной миссии в 1917 г., ныне коммунист, рассказал в своих мемуарах о беседе с Плехановым, происходившей в середине октября 1917 г. «Плеханов считает,—записал Садуль,—что сильное правительство, которое будет образовано завтра на трупах большевиков, должно внушить нации в целом, включая армию, продолжение войны» [3]. Занимать оборонительную позицию, надеясь на УС, значило вести революцию к гибели.

Ленин характеризовал позицию Каменева и Зиновьева, как «передачу всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая «обещала» созвать УС». Как мы знаем, эти надежды не имели под собой никакой почвы: буржуазия накануне октября стремилась сорвать УС и, во всяком случае, подделать его состав и поставить рядом с УС твердую власть, которая могла бы в случае необходимости воздействовать на конституанту.

Утопичными были и перспективы, которые Зиновьев и Каменев рисовали в своем заявлении. «В УС,—писали

---

[1] Ленин, Соч., т. XXI, стр. 216.

[2] Jacques Sadoul, Hotes sur la révolution bolchevique, Moscou 1918, p. 10.

они,—мы будем настолько сильной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу. Либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и др. правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу... «подделать выборы в УС Временное правительство бессильно».

Такая оппортунистическая перспектива страдала прежде всего «оптимизмом насчет буржуазии». Авторы заявления забывали, что наличие всеобщего избирательного права не помешает буржуазной контрреволюции подавить любую оппозицию в УС. И разве «подготовка» УС между мартом и октябрем не была подготовкой фальсифицированных выборов?

Налицо были таким образом те же конституционные иллюзии в вопросе об УС, которые разделялись, например, с-д. интернационалистами. Доводы Зиновьева и Каменева были повторены последними после 25 октября в заявлении пяти членов ЦК, в котором эти товарищи утверждали, что обеспечить созыв УС может только правительство социалистических партий[1]. В Черниговской организации на собрании Черниговского комитета 13 (1) января Шафранович доказывал, что «передать власть УС еще не значит целиком отречься от власти. «Отступать можно и не будучи разбитыми». Оратора поддержал Соколовский, предлагавший «согласиться с Зиновьевым и созвать УС, потому что «ясно, что на Западе социалистическая революция будет не скоро»[2]. Шафранович остался в меньшинстве. А Чудновский, выступавший еще в сентябре на областной партийной конференции Юго-западного края с защитой тезиса о совместном существовании УС и Советов после перехода власти к последним, не собрал ни одного голоса»[3].

«Та борьба, которая ведется сейчас другими партиями против нас в вопросе об УС, существует и в нашей собственной среде»—говорил Урицкий на заседании Петроградского комитета партии 12 декабря. «Разногласия в нашей партийной среде не новы. Сейчас мы видим то же

---

[1] Протоколы Центрального комитета РСДРП, август 1917 г., февраль 1918, Гиз 1929, стр. 167. Заявление в ЦК РСДРП(б) Каменева, Рыкова, Милютина, Зиновьева, Ногина.

[2] В. Щербаков, Жовтнева революція и роки громадянськой боротьби на Чернігівщині, Чернігів 1927, стр. 61.

[3] Евгения Бош, Год борьбы, Гиз, 1925 г., стр. 31.

течение, которое наблюдалось раньше в вопросе о восстании. Некоторые товарищи смотрят на УС, как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактностей и проч. Они против того, что члены УС большевики контролируют созыв, соотношение сил и проч. Они смотрят на дело чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг УС, а сообразуясь с этим мы и имеем возможность наметить позицию отношения к УС. Борьба мнений во фракции УС закончилась тем, что тезисы ЦК были приняты единогласно. Это указывает на то, что глубоких разногласий в нашей среде нет. Мы сейчас стоим на той же точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться УС» [1].

Правые настроения одно время в большевистской фракции УС преобладали. На заседании 24(11) декабря ЦК «ввиду того, что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК», было решено, по предложению Ленина, переизбрать бюро фракции, состоявшее из Рыкова, Каменева, Ларина, Милютина, Ногина, Рязанова и др. и внесшее решение с требованием созыва партийного съезда или конференции для выяснения вопроса об отношении к УС. Работа во фракции была поручена Сокольникову и Бухарину. Менее широко проявлялись противоположные «левые» настроения. Последние нашли благодарную почву в Московском областном бюро, которое 5 декабря высказалось за точку зрения Стукова, предлагавшего «прямо сказать» в резолюции, что УС «не нужно и вредно».

Точка зрения партии была сформулирована Лениным в известных «тезисах об Учредительном собрании» 26 декабря. «Вопрос был поставлен 26 декабря 1917 г. и теоретически, и исторически, и практически, и политически»—писал впоследствии Ленин [2]. Тезисы подчеркивали, что партия большевиков, борясь за УС в рамках буржуазной республики, всегда считала Советы высшей и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный

---

[1] «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 273.
[2] Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 365.

переход к социализму. Тезисы выяснили причину несоответствия состава УС воле трудящихся масс. УС, избранное по старым спискам, составленным до раскола партии с.-р., избранное в тот момент, «когда подавляющее большинство населения не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарско-крестьянской революции» [1], не может отражать действительной группировки классовых сил.

Констатируя, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию» в ходе революции «стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников», тезисы заявляли, что вопрос о формальных правах УС должен быть подчинен интересам пролетариата: «только признание УС советской власти и ее декретов может повести к безболезненному исходу событий. В противном случае кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем,—путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны советской власти против кадетско-калединской контрреволюции, какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы членством в УС) эта контрреволюция ни прикрывалась» [2].

Тезисы, таким образом, давали четкую и ясную постановку вопроса, подготовляя партию и широкие массы трудящихся к вероятному столкновению с УС.

Наметка тактической линии, по необходимости, была общей—детали могли выясняться только в ходе дальнейших событий. «Наша тактика,—говорил Урицкий,—не может быть определена заранее даже за час. Как мы поступим, что мы сделаем,—все будет зависеть от того, что и как они будут делать». Предложений об отказе от созыва УС, судя по всему, не было. В перспективе рисовался конфликт с УС, в результате которого большевики должны были изгнать кадето-эсеровское большинство и образовать революционный конвент. На необходимости создания конвента настаивал между прочим Бухарин. На заседании ЦК 12 декабря он ставил вопрос о созыве УС. «Что нам выгоднее,—спрашивал он,—разбить кадетов по частям, или же созвать УС, а потом изгнать оттуда всех кадетов. Он (Бухарин.—Н. Р.) считает второй путь луч-

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 132.
[2] Там же, стр. 133 и 134.

шим, так как в широких массах еще живы конституционные иллюзии, а потому и предлагает организовать левую часть, изгнать к.-д. и левую часть УС объявить революционным конвентом. Это тем более будет легко, что большевики с левыми эсерами будут иметь колоссальное преобладание... мы должны создать революционный конвент, так как мы полтора месяца работали и трубили о том, чтобы обеспечить созыв УС».

Аргументация Бухарина была неверна. Созыв УС вовсе не означал необходимости отсрочить удар против кадетов, да и надежды на колоссальное преобладание большевиков были преувеличены. Предложение Бухарина подождать с ударом по кадетам до созыва УС носило оппортунистический характер. «В настоящее время,—говорил Сталин, возражая Бухарину,—мы определенно должны добить кадетов или они нас добьют, так как они открыли по нас стрельбу»[1].

Партия, внимательно прислушиваясь к настроениям масс, держа курс на изживание массами парламентских иллюзий, не подменяла задачу руководства тактикой хвостизма. Если левые (эсеры в целях «революционной педагогики» рекомендовали Советам занять позицию пассивной охраны прав трудящихся, то большевики считались и с перспективой возможного разгона УС. 5 января не явилось для партии случайностью—возможность его была продумана гораздо раньше. Партия твердо заявляла о том, что лозунг передачи власти УС есть лозунг контрреволюции, пытающейся свергнуть диктатуру пролетариата. «Кадеты кричат: «Вся власть Учредительному собранию», а на деле это у них значит: «Вся власть Каледину»[2]. «Учредительное собрание говорилось в тезисах Ленина, если бы оно разошлось с советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть».

«Надо сказать массам, что если в УС будет большинство не наше, то на очередь станет вопрос о третьей революции,—говорил Володарский на заседании Петроградского комитета партии совместно с активными работниками 8 (21) ноября.—УС будет правомочно с точки зрения того класса, который там будет большинством, и наоборот. На

---

[1] Протоколы Центрального комитета РСДРП, август 1917, февраль 1918 гг., Гиз 1929 г., стр. 181, 182.

[2] Ленин, соч. изд. II, т. XXII, стр. 111.

съезде нашей партии в 1903 г. Плеханов сказал: «Революционный класс может во время революции лишить избирательных прав целый класс, если на это есть необходимость». Это совершенно верно, но революционные массы не только могут так действовать, но и должны это сделать. Массы, научившись в эти дни защищать свою свободу, поймут, как надо действовать, когда попробуют разогнать УС»[1].

Партия продолжала разоблачать иллюзии об УС. На заседании ВЦИКа 6 ноября большевиками был поднят вопрос о том, чтобы, не отодвигая срока созыва УС, дать возможность партиям выставить новые списки, чтобы разделить список правых и левых эсеров. Аванесов предлагал левым с.-р. настаивать на отсрочке выборов. Выборы, однако, состоялись в срок, назначенный Совнаркомом.

21 ноября Ленин на заседании ВЦИКа внес проект декрета о праве отзыва депутатов из УС. Ленин мотивировал необходимость издания декрета требованиями действительного демократизма. Он приводил пример голосования за эсеровские списки—когда «народ фактически голосовал за партию, которая уже не существовала». Право отзыва должны были иметь Советы, «как наиболее совершенные носители идеи государственности, принуждения».

Левые эсеры, присоединяясь к предложению Ленина, настаивали лишь на осторожном применении права отзыва и требовали для его осуществления референдума избирателей. Большинством голосов против двух при одном воздержавшемся проект декрета, предложенный Лениным, был принят ВЦИКом.

Что декрет шел навстречу интересам масс, показывают многочисленные резолюции крестьянских и армейских съездов с требованиями отзыва избранных в УС депутатов. Так, например, Кронштадтский совет крестьянских депутатов требовал отзыва депутата Закревского, председателя одного из уездных Советов крестьянских депутатов в Могилевской губ. «Из доклада товарищей, прибывших из названного уезда,—писало бюро Кронштадтского совета крестьянских депутатов,—Исполнительное бюро находит действия т. Закревского, не защищающего интересы крестьян, а, наоборот, буржуазии». IV Пензенский общегубернский крестьянский съезд уже после роспуска УС при-

[1] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., Гиз 1927 г.

нял резолюцию о перевыборах в УС в Пензенской губ., указав на то, что большинство депутатов от губернии «состоит в партии правых эсеров, которые борются против завоеваний рабоче-крестьянской революции»[1]. Крестьянский съезд XII армии постановил отозвать Гоца, Авксентьева; Смоленский совет отозвал Брешко-Брешковскую и Арбузова, заменяя их кандидатами из большевистского списка; крестьянский съезд Псковской губ. предложил депутату УС с.-р. Покровскому отказаться от мандата.

11 декабря был издан, против голосов левых с.-р., декрет, объявлявший кадетов врагами народа. Таким образом, было сделано «покушение на депутатский иммунитет». Декрет и воззвание Совнаркома разоблачали организаторов гражданской войны, вдохновителей корниловщины и калединщины. Меньшевики и с.-р., заседавшие в ЦИКе советов 1 созыва, не нашли ничего более остроумного, кроме соломонова решения «выпустить листовку об аресте к.-д. не как таковых, а как членов Учредительного собрания».

Считаясь с перспективой конфликта с УС и возможностью образования конвента, большевики провели во ВЦИКе постановление о созыве III съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 8 января и III чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов 12 января.

Партия не делала тайны из задач созываемых съездов. Буржуазная пресса будет говорить о том, что мы противопоставляем Советы УС, говорил Зиновьев на заседании ВЦИКа—«отчасти она будет права». Резолюция ВЦИКа, предложенная большевиками, выясняла контрреволюционное значение лозунга «вся власть УС» и мотивировала созыв съездов необходимостью «поддержки левой против правой части УС».

Все эти мероприятия были, в сущности говоря, неотъемлемой частью той разъяснительной кампании, которую партия большевиков вела в вопросе об УС.

Декреты ВЦИКа представляли собою «покушение» на права полновластного УС; они выяснили противоречие между Советами и УС, подготовляя массы к борьбе против правой части УС.

[1] АОР, фонд XIII, д. № 54.

3. *Левые с.-р.*

Эволюция партии левых с.-р. почти с фотографической точностью отражала растущее полевение крестьянства.

Вначале левые с.-р. разделяли в вопросе об УС позицию своих недавних товарищей по партии—правых с.-р. Подобно правым, они видели в УС орган, который должен примирить все классовые противоречия. «Какая бы власть ни была «поставлена» до УС и что бы она ни делала,—она не имеет права говорить и действовать именем всего народа, ибо санкции народа до УС никто не имеет и получить не может... Отсюда непрекращающиеся кризисы власти, отсюда ее неустойчивость, отсюда неизбежность борьбы за власть силою штыка отдельных классов и партий. Положить конец губящей страну и революцию гражданской войне сможет лишь только УС».

Под этими словами с успехом мог подписаться Чернов, Вишняк или любой правоэсеровский литератор. А между тем они написаны вождем левых с.-р. Камковым и написаны в половине ноября, за неделю до первого учредительного съезда партии левых эсеров. Камков считал угрозу разгона УС «нестоющей внимания болтовней анархиствующих с.-д. типа Володарского». «УС—правомочный хозяин», «земля обетованная»; «поднять руку на УС было бы сознательным преступлением»[1].

Новые нотки послышались на I съезде партии левых эсеров. Часть делегатов резко выступила против УС, другая занимала более умеренную позицию. Некоторые ограничения догмата об УС внес Камков, доказывавший, что УС повиснет в воздухе, если пойдет против трудящихся. Но позиция Камкова не отличалась четкостью. Что конфликт между УС и Советами ставит прежде всего в порядок дня вопрос о власти,—этого Камков не понимал. Если УС начнет с умаления прав Советов—конфликт будет неизбежен, если оно поставит первым вопрос о мире, земле и пр., то «конфликт будет избегнут». Такая постановка вопроса отвечала и намерениям правых с.-р., которые, «применяясь к обстановке», желали уклониться от катего-

[1] «Знамя труда», № 70, 12/XI 1917 г.

рического решения вопроса о власти с тем, чтобы под шумок присвоить ее прерогативы.

Правое крыло выдвинуло докладчиком по вопросу об УС. Оно будет социалистическим и будет проводить про-осуществление социализма, у нас нет поводов опасаться УС. Оно будет социалистическим и будет проводить программу-минимум... Сейчас другая опасность — опасность срыва УС, говорил Шрейдер, предостерегая своих товарищей от подражания большевикам[1]. Левое крыло высказывалось за поддержку УС постольку, поскольку оно будет действовать в интересах трудящихся, но к самому институту УС относилось с известной осторожностью. «Я себе представляю дело так,—говорил Штейнберг,—с момента открытия УС вся верховная правительственная власть должна перейти к УС и очень скоро, с первых же дней, обнаружится вся неспособность его при проведении в жизнь всех законов. Когда я говорю, что верховная правительственная власть переходит к УС, то я имею в виду формальный переход; это не значит, что Советы должны разоружиться и разъехаться. Нет, они должны стоять на страже, и лишь только УС обнаружит первые шаги против интересов демократии—Советы должны выступить на защиту попранных прав».

Штейнберг мотивировал свое предложение «революционной педагогикой», но в действительности оно представляет собой пример робкого отхода от правоэсеровской платформы, иллюстрации фатализма левых с.-р.

В духе предложений Штейнберга и была принята резолюция об отношении к УС—среди делегатов нашелся только один (Муравьев), решительно настаивавший на ликвидации УС. Резолюция заявляла, что УС должно решить в первую очередь вопросы о мире, земле и рабочем контроле. Высказываясь за УС, поскольку оно конституирует власть рабочих и крестьян, резолюция настаивала на праве перевыборов депутатов УС и заявляла, что попытка превратить УС в орган борьбы с Советами встретит решительное противодействие.

Непоследовательный и нерешительный крен влево, переход от признания абсолютной ценности УС к формуле

[1] Протоколы I съезда партии левых с.-р. (интернационалистов) 1918 г.

«постольку, поскольку» был вполне понятен. Стоит лишь обратиться к крестьянским и армейским наказам ноября—декабря 1917 г., чтобы найти источник левоэсеровских резолюций. Большая часть этих наказов стоит на позиции *условного* признания УС. Эти настроения революционизирующегося крестьянства, лишь постепенно изживающего парламентские иллюзии и не сразу переходящего к большевикам, отразила партия левых с.-р.

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

ИТОГИ ВЫБОРОВ

1. Партии на выборах в Учредительное собрание

Выборы в УС не вызвали оживления в стране. Несмотря на истерические аншлаги эсеровской и меньшевистской прессы, напоминавшие прорицания хилиастов, трудящиеся массы не проявили большого интереса к выборам. «Выборы были тихие,—писала саратовская эсеровская газета,— не было в городе того оживления, которое мы помним в дни выборов в демократическую думу. Не было радости на лицах, радости в душе». В Киеве выборы, по словам Гольденвейзера «протекали вяло». «Уныло и вяло проходят выборы в УС. Громадный процент избирателей просто отказывается выполнить свой долг и на выборы не идет. Пропала вера в УС», жаловалась одесская газета. В Воронеже при переписке избирателей «на окраинах счетчики не только неохотно были встречаемы, но во многих случаях совсем не давали сведений, ссылаясь на то, что им выборы надоели, что толку из выборов нет никакого, что при городских выборах их с № 3 (соц.-революционеров.— Н. Р.) обманули, а в другой раз не подведут»[1]. Саратовские избиратели окраинных районов также явились на выборы в УС в гораздо меньшем количестве, нежели на выборы в городскую думу.

Абсентеизм на выборах достиг колоссальной цифры— всего голосовало на выборах 36,2 млн. избирателей.

Среди каких слоев населения абсентеизм был выше всего? Дать сколько-нибудь исчерпывающего ответа на этот вопрос не представляется возможным. Только данные по

---

[1] Антонов-Саратовский, Под стягом пролетарской борьбы, Гиз 1925 г., стр. 236. «Архив русской революции», изд. Гессена, т. VI. (А. Гольденвейзер, Из киевских воспоминаний, Октябрьская революция). Первое пятилетие. Гиз Украины 1922 г., ст. В. Б. Как назревал в Одессе Октябрь, стр. 596; Выборы в Учредительное собрание по г. Воронежу (краткое статистическое исследование. Воронеж 1918 г.).

г. Воронежу дают некоторое представление об отношений различных социальных групп к выборам.

% явившихся на выборы избирателей по отношению к включенным в избирательские списки по г. Воронежу.

Группы по роду занятий		%
Интеллигенция	Занятие судебной деятельностью	72,4
	» учебно-воспитательной	69,0
	Служащие в правительственных, общественных и частных учреждениях	67,0
	Занятые врачебной деятельностью	61,6
	Священнослужащие и монашествующие	60,3
Буржуазия	Занимающиеся торговлей	56,3
	Живущие доходами или пенсией	50,5
Рабочие	Служащие в промышленных заведениях	48,4

Таким образом наибольший процент участвовавших в выборах дала интеллигенция, значительно меньший—буржуазия, и, наконец, рабочие прохладнее всего отнеслись к избирательной кампании.

В Саратове выборы прошли довольно вяло в рабочих кварталах и лишь буржуазные кварталы жили лихорадочной жизнью. В Саратове, так же, как и в Воронеже, абсентеизм окраин был гораздо больший, чем при выборах в городскую думу.

Конечно, нет никаких оснований обобщать воронежские данные, но даже они могут иллюстрировать общее положение—наибольшие надежды на УС возлагались мелкобуржуазной интеллигенцией; борющиеся классы—буржуазия и пролетариат—оценивали обстановку несравненно реалистичнее.

Распределение голосов по партиям представляется по данным Н. В. Святицкого[1] в следующем виде: по 54 избирательным округам было подано голосов:

[1] Сб. «Год русской революции 1917—1918 гг.», изд. «Земля и воля». Ст. Н. В. Святицкого, Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание (предисловие).

За с.-р. (русских, украинских, мусульманских и пр.)	20,9 млн.
» меньшевиков	668 064
» народных социалистов	312 000
» группу «Единство»	25 000
» кооператоров	51 000
» украинских с.-д.	95 000
» » социалистов	507 000
» немецких «	44 000
» финских »	14 000
» большевиков	9 023 963
» кадетов	1 856 639
» союз земельных собственников и землевладельцев	215 000
» правые группы	292 000
» старообрядцев	73 000
» еврейских националист. в	550 000
» мусульманских »	576 000
» башкирских »	195 000
» латышских «	67 000
» польских »	155 000
» казаков	79 000
» немцев	130 000
» белоруссов	12 000
» список разных групп и организаций	418 000

Всего из 703 депутатов, избранных по 66 избирательным округам:

К партии правых с.-р. принадлежало	229
» » большевиков »	168
» » украинск. с.-р. »	81
» » левых с.-р. »	39

Ни одна из других партий не получила более 23 голосов.

Социальное освещение этой сводки дал Ленин [1]: «Объединяя три основные группы партий на выборах в Учредительное Собрание,—писал он,—мы получаем такой итог:

Партия пролетариата (большевики)	9,02 млн.	= 25%
» мелкобуржуазной демократии (с.-р. меньшевики и т. п.)	22,62 «	= 62%
Партия помещиков и буржуазии	4,62 »	= 13%
Всего	36,26 млн.	= 100%

Точных порайонных данных о выборах в УС нет—Святицкий же, как отметил Ленин, соединил в своей работе «наиболее промышленные округа с малопромышленными

[1] Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1-е, стр. 440.

и вовсе непромышленными». Но даже эти данные уточняют картину выборов.

Области	За с.-р. (русских)	За большевиков
	в %	
Северная	38	40
Центрально-промышленная	38	44
Поволжско-черноземная	70	16
Западная	43	44
Восточно-уральская	43 (62)[1]	12
Сибирская	75	10
Украина	25 (77)[2]	10
Армия и флот	43	38

Погубернские данные вносят значительные коррективы в таблицу Святицкого. Так, например, если процент большевистских голосов по Северной области равен 40%, то отдельные губернии этой области, наиболее промышленные, дали: Петроградская—50%; Лифляндская—72% большевиков; в Центрально-промышленной области (38% большевистских голосов), Московская губ. дала 56% большевиков и 25% эсеров; Тверская—54% и 39%; Владимирская—56% большевиков и 32% эсеров.

Выборы в деревне ярко отразили классовое разделение в крестьянстве. Характерными в этом отношении являются данные о выборах в Воронежской губ.

В Нижнедевицком уезде, где частное землевладение занимало весьма небольшое место (16,8% при 28,1% в среднем по всей губернии) большевики собрали только 2,7% всех голосов; в наиболее кулацком—Валуйском уезде—3,8% голосов. Зато в Новохоперском и Бобровском уездах, в которых на долю помещичьего землевладения приходилось 27,8% и 44%, большевики получили 34,4% всех голосов. (Следует также отметить, что в последних двух уездах были большевистские организации.) Та же картина имела место на Черниговщине, где крестьяне северных—бедных уездов голосовали за большевиков, а на-

[1] «Цифра в скобках, 62% получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских с.-р.». Примеч. Ленина т. XVI, стр. 440.

[2] «Цифру в скобках, 77% даю я, добавляя украинских с.-р.». Примеч. Ленина (там же).

селение южных уездов — богатых отдало свои голоса украинским с.-р.[1].

С другой стороны, крестьянство пошло за большевиками там, где скорее осуществлялись декреты Октября, в Западной и Центральной России. Не малую роль сыграла близость деревни к промышленности, центрам и к фронту. Так, например, в Западной России, по словам В. Кнорина, «чем ближе волость к фронту, чем сильнее на крестьян влияние фронтовиков, тем относительно большее количество голосов было подано за большевиков». В Козловском уезде крестьяне пригородных сел голосовали за большевиков. Еще более показательны итоги выборов в городах.

В 80 городах получили голосов (в %):

Мелкобуржуазные партии	30
Большевики	38
К.-д. и другие буржуазные и помещичьи партии	31

Эта суммарная сводка станет более рельефной, если прибавить, что большевики оказались на первом месте в 40 городах, к.-д.—в 19 и с.-р.—в 8.

В столицах получили голосов (в тыс.):

С.-р.	218,0
Большевики	837,0
К.-д.	515,4

В других промышленных центрах голоса распределялись следующим образом (в %):

	К.-д.	С.-р.	Меньшев.	Большев.
Иваново-Вознесенск	15,6	12,7	2,6	61,3
Тверь	—	Около 17	Около 20	Около 50
Харьков	Около 20	Около 15[2]	Около 9	Около 30
Екатеринбург (Бурж. партии)	31,7	15,6	—	43
Н. Тагил » »	20,4	12,6	—	67
Н.-Новгород	43,1	19,4	6,4	30,9
Тула	32,6	—	19,5	47,8

[1] См. Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Воронеж 1927 г.; В. Щербаков, Жовтнева революция и роки громадянської боротьби на Чернігівщині, Чернігів 1927.

[2] Левые с.-р. в блоке с украинскими с.-р.

Цифры эти показывают, что в крупных промышленных центрах большевики вели за собой большинство пролетариата; мелкобуржуазные партии в промышленных городах были значительно «вымыты». Что за большевиками шли именно рабочие массы подтверждается высокой цифрой голосов, поданных за большевиков н а о к р а и н а х. Так, например, в Харькове «во всех окраиных участках большевистский список прошел на первом плане»; в Юзовке по городу большевики получили 50% голосов, на рудниках—80 %. В Сталинграде большевики пользовались наибольшим успехом по участку поселка французского завода.

Перейдем теперь к анализу выборов в армии и флоте.

Части армии и флота	За с.-р.	За большевиков	За к.-д.	За национ. и др. группы	Всего
Северный фронт . .	240,0	480,0	?	60,0	780,0
Западный » . .	180,5	653,4	16	125,2	976,0
Юго-западный » . .	402,9	300,1	13,7	290,6	1 007,4
Румынский » . .	679,4	167,0	21,4	260,7	1 128,6
Кавказский » . .	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот . .	—	(120,0)[1]	—	—	(120,0)[1]
Черноморский » . .	22,2	10,8	—	19,5[2]	52,3
Итого . . .	1 885,1	1 671,3	—	—	4 364,5
	—	+ 120,0[1] 1 791,3	51,8 + ?	756,0	+ (120)[1] 4 484,5

«Большевики получили н е м н о г и м м е н е е, чем эсеры», писал Ленин, анализируя приведенную таблицу. «Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 г. н а п о л о в и н у б о л ь ш е в и с т с к о й». «Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, б л и ж а й ш и х к с т о л и ц а м и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычесть

[1] «Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святицкий считает по 60 тыс. голосов на 1 выбранного. Поэтому я беру цифру 120 тыс.». Прим. Ленина (т. XVI. стр. 446).

[2] «О том, какая партия получила 19,5 тыс. голосов от Черном. флота сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 с.-д. (т.-е. меньшевик). Прим. Ленина (там же).

Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков получается свыше 1 миллиона голосов против 420 тысяч у эсеров» [1].

В цитированной статье Ленин указывает, что на фронтах «удаленных от центра, большевики имели время и возможность отвоевать крестьян у эсеровской партии».

Что вопрос времени играл здесь важнейшую роль, подтверждается бесспорными данными. В. Кнорин, один из руководящих большевистских работников Зап. фронта в 1917 г. объясняет блестящую победу большевиков на западном фронте тем простым фактом, что Западный фронт одним из первых имел большевистское партийное руководство и первым начал осуществлять революционную реорганизацию армии и ее демократизацию [2]. На фронтах, как и в деревне, успех большевистской партии на выборах возрастал в зависимости от того, насколько массы ко времени выборов успели ознакомиться с реальными результатами Октябрьской революции. «Октябрьская революция и фактическое осуществление большевиками декретов о земле и мире в течение ноября месяца расширили влияние большевиков так, как этого не могла бы сделать никакая печатная или устная агитация» [2].

2. Оценка выборов

Какие общие выводы из результатов выборов в УС? Выборы показали, что налицо имелись «три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армий близких центру» [3].

Налицо была также возможность завоевания крестьянства, связанная с осуществлением декретов советского пра-

---

[1] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 446.
[2] Кнорин, 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте, Минск 1925 г., стр. 69.
[3] Ленин, Соч. т. XVI, изд. 1-е, стр. 447.

вительства и с форсированным процессом расслоения в деревне.

Выборы показали и те трудности, с которыми пришлось впоследствии столкнуться пролетарской революции. Районы, где большевистская партия получила наименьшее число голосов (Восточный Урал, Сибирь, Украина, Поволжско-черноземный), стали ареной ожесточенной гражданской войны; «именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина,—писал Ленин,—колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружилось в этих районах с особенной яркостью»[1].

Выборы в УС показали, что социалистическая революция в России осложнена также и национальным вопросом. На выборах в УС в областях с не-русским населением впереди шли мелкобуржуазные националистические партии и группы. Так, например, на Украине украинские с.-р. и социалисты собрали 51,3% всех голосов. В Баку дашнаки и муссаватисты вместе получили 44% всех голосов, почти в 2 раза больше, чем социалистический блок, включавший, кстати сказать, кроме с.-р., меньшевиков и Бунда, также армянскую с.-д. организацию.

Недаром Ленин, анализируя данные о выборах на Украине, обращал внимание на важность национального вопроса и осторожной тактики пролетарской партии в разрешении национальной проблемы.

Там, где, как например на Кавказе, выборы демонстрировали большое влияние националистических партий, национальная проблема продолжала оставаться решающей проблемой в годы гражданской войны. Цифры о результатах голосования на Украине, в Баку предвосхищали будущую петлюровщину, муссаватистское правительство. География гражданской войны почти целиком совпала с географией выборов в УС: контурная карта ноября 1917 г. стала картой «в несколько красок» в 1918—1919 гг.—очертания остались те же.

Выборы показали не только географию гражданской войны. Они демонстрировали также—и притом с исключительной наглядностью—тенденции классовой борьбы, общие для всей России. Буржуазия почти целиком сплотилась вокруг к.-д., пролетариат—вокруг большевиков. Ленин осо-

[1] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 452.

бенно подчеркивал вскрытые результатами выборов «единство и сплоченность партии пролетариата при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и буржуазии». Поляризация классов, вымывание мелкобуржуазных партий означало, что борьба идет между двумя классами—пролетариатом и буржуазией и что промежуточные группировки будут отброшены в сторону в ходе борьбы.

Наиболее ярко это выяснилось на примере партии меньшевиков. «Партия потерпела жестокое поражение на выборах, — признавались сами меньшевики,—поражение, в сущности, стерло в порошок политическое представительство партии и свело к нулю ее организационное значение и влияние» [1].

«Вымывание» коснулось и эсеровской партии. Это явление в особенности ярко сказывается при анализе сравнительных данных о выборах в земства и в УС. Путем сравнения выборов в городские думы в 44 городах и в УС в 80 городах в динамике нижепомещенных таблиц наглядно выявляются тенденции политического развития масс [2].

	Выборы в гор. думы в 44 городах	Выборы в УС в 80 городах
С.-р.	44	15
С.-д. и другие социалисты	15	15
Н. с.	2	2
Буржуазные группы и партии	24	32
Большевики	1[illegible]	38

Усиление влияния крайних групп—буржуазных партий и большевиков при катастрофическом падении эсеровских голосов—иллюстрируют направление процесса. Для одной губернии—именно для Черниговской—еще более выразительны сравнительные данные в выборах в УС и в Украинское учредительное собрание. Первые происходили в ноябре, вторые—в начале января: в промежутке

[1] «Наш голос», с.-д. сборник, № 2.
[2] Святицкий, Итоги выборов в Учредительное собрание.

1½—2 месяцев в настроении крестьянских масс произошла разительная перемена [1].

Партии	Выборы в УС по губерниям	Выборы в Укр. УС по 12 уездам
Укр. с.-р.	484,4 тыс.	154,8 тыс.
Русск. с.-р.	28,3 »	1,2 »
Большевики	271,1 »	200,6 »

Партии	Выборы в УС. Число голосов	Выборы в Укр. УС. Число голосов
Городнянский уезд		
Укр. с.-р.	12,9 тыс.	5,4 тыс.
Большевики	9,9 »	21,4 »
Черниговский уезд		
Укр. с.-р.	34,4 тыс.	9,6 тыс.
Русск. с.-р.	7,7 »	239 голосов
Большевики	6,8 »	20,4 »
Село Державница Козелецкого уезда		
Укр. с.-р.	732 голоса	39 голосов
Большевики	10 »	537 »

Нужны были, таким образом, небольшие сроки для того, чтобы большевистская партия отбросила с.-р. далеко назад.

«Данные о выборах в УС, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе», писал Ленин. Недаром Ленин, обобщая уроки выборов в УС, утверждал, что «сопоставление выборов в УС к ноябрю 1917 г. и развития пролетарской революции в России с октября 1917 г. по декабрь 1919 г. дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны» [2].

---

[1] В. Щербаков, Жовтнева революція и роки громадяньской боротьбы на Черніговщіні, Чернігів 1927, стр. 35, 36.

[2] Ленин, Соч., т. XVI, изд. 1-е, стр. 454 и 455.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАКАНУНЕ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. С.-р.

«Как на бумаге описать, охарактеризовать наше состояние деятельной бездеятельности? Поймет ли будущий историк и найдет ли достаточные слова для изображения положения, в котором очутились мы, «безработные» члены Учредительного собрания»? «...Трудно, трудно нам здесь», писал Коган-Бернштейн, самый левый депутат из всей правоэсеровской фракции своим воронежским избирателям. Слова о «деятельной бездеятельности» правых с.-р. отразили субъективное настроение человека, который лучше своих сотоварищей по партии понимал всю безвыходность положения. В самом деле, тактика правоэсеровской фракции накануне открытия УС навсегда останется ярким примером парламентского кретинизма мелкобуржуазной партии и ее вождей.

Казалось, тактика правых с.-р. должна была строиться на основе предвидения действий противника. Но в этой области с.-р. обнаружили безнадежную слепоту. По словам Б. Соколова, автора интересных воспоминаний, эсеровский вождь, Чернов, верил в то, что большевики спасуют перед УС. От с.-р. не отставали и меньшевики. «С трудом верится,—говорил как-то Церетелли,—чтобы большевики осмелились разогнать УС. Им ни народ ни история этого не простил бы. ...Я убежден, что большевики только пугают, чтобы сделать оппозицию более уступчивой»[1].

Большей близорукости трудно было ожидать даже от таких мелких буржуа, как Чернов и Церетелли. После 8 месяцев Февральской и 2 месяцев Октябрьской революции, не говоря уже об опыте дореволюционных лет, люди сомневались в вопросе об отношении большевиков

[1] Б. Соколов, Защита Всероссийского учредительного собрания «Архив русской революции», Берлин, т. VIII, стр. 33, 56.

к парламентаризму. Здесь налицо была не просто недооценка сил противника, а коренное непонимание тактики последнего.

Из какой же перспективы исходили правые с.-р.? О перспективах трудно говорить, потому что для с.-р. фетиш УС заменял реальную оценку действительных событий, вплоть до 5 января 1918 г.

Оттягивая срок созыва УС, большевики использовали время для активной законодательной деятельности, в которой невозможно было различить, где кончался законодатель и начинался агитатор. Параллельно большевиками велась упорная работа за влияние в массах. С.-р. оказались бессильными. «В той борьбе, незримой, но весьма энергичной, которая велась большевиками во всех углах Петрограда, лишь небольшое число депутатов (с.-р.—*Н. Р.*) принимало персональное участие. Нередко раздавались жалобы из районных партийных комитетов, что нельзя заполучить никого с Болотной улицы. Депутаты выступали неохотно и редко. И разве не характерно, не показательно, что на митингах, организованных 6 января большевиками во имя санкции разгона УС, только два эсеровских депутата сочли нужным выступить... Фракция, или, вернее, антибольшевистские фракции не принимали участия во внепарламентской борьбе за УС»[1].

Внепарламентская борьба велась, правда, эсеровской военной комиссией с благословения ЦК партии с.-р.: недаром на IV съезде партии с.-р. Чернов, говорил о том, что партия «противопоставит физические и революционные силы попыткам узурпации прав УС». В резолюции съезда об этих попытках не было сказано ни слова. Больше того, резолюция прямо заявляла, что в борьбе за УС «надо выдвигать на первый план не формальные элементы власти, а положительные элементы социально-революционного творчества. С этой точки зрения приобретают особенное значение первые шаги УС; они должны с полной яркостью выявить перед всем народом истинное лицо УС, программу его ближайшей деятельности. В то же время это должны быть не декларации, а практические шаги».

Авторы резолюции должно быть не представляли се-

---

[1] Б. Соколов, «Архив русской революции», т. VIII, стр. 35. На Болотной улице помещалось бюро эсеровской фракции.

бе всей логической абсурдности выдвинутых положений. Резолюция страдала неразрешимым противоречием. «Социально-революционное творчество» с положительным или отрицательным знаком могло осуществляться только теми, в руках у кого находилась власть—без этого все «практические шаги» УС остались бы декларациями.

Ориентировка на «первый день» УС напоминала скорее ожидание страшного суда верующими, нежели тактическую установку политической партии. «Надо было, чтобы уже первое заседание чем-нибудь закончилось, что-нибудь после себя оставило—вспоминает М. Вишняк.—Мы не столько поэтому задумывались о последующем ходе работ УС, сколько о его первом, может быть единственном и решающем заседании»[1].

Что авторитет УС уже подорван, что «временные» декреты советского правительства разрушают представление о «вечном» идеале УС—с.-р. упорно не понимали. Эсеровская фракция сосредоточила всю свою деятельность на выработке и обсуждении многочисленных законопроектов, которые должны были быть представлены УС. Были созданы комиссии: аграрная, государственного права, народного образования, внешней политики, экономической политики, регулирования промышленности, федеративного устройства. Но и эта парламентская работа протекала не гладко. Положение дел во фракции отражало тот разброд и распад, который имел место в рядах всей правоэсеровской партии. Во фракции боролись три течения: правое, оставшееся на старых позициях «Воли народа», балансировавший и никого не удовлетворяющий центр и левое крыло. Разногласия резко выступили при обсуждении аграрного законопроекта. В земельной комиссии был принят в основу законопроект С. Л. Маслова, представлявший собою сводку положений, выработанных Главным земельным комитетом. В этом проекте отсутствовали главнейшие положения эсеровской программы—исчезло требование равного права всех на землю, пункт об отчуждении всех природных богатств без выкупа, пункт об отмене наемного труда. Под нажимом центра и левых проект был изменен. «В земельной комиссии,—писал Огановский,—после продолжительного боя, под напором других течений, все эти пункты были выставлены, хотя «государствен-

[1] Современные записки, 1928 г., кн. XXXIV, стр. 370.

никам» удалось удержать комиссию от внесения в первый пункт об общегражданском праве утопического термина «равное» и отстоять допустимость наемного труда «в исключительных случаях». Но, увы, «ортодоксальное» течение во фракции заставило принять и этот термин, а третье течение «стихийников» ввело в «мероприятия» отчуждение без выкупа не только земли, а и помещичьего инвентаря и построек» [1].

«Враждебная с.-р. действительность не останавливалась, таким образом, перед стенами эсеровской фракции: большевистская бацилла, даже после отсечения левых с.-р., оказывалась вирулентной, даже в рядах самой фракции. Недаром н.-с. Огановский, случайный человек в эсеровской фракции, примкнувший к с.-р., по словам Вишняка, для того, чтобы пройти в УС, так отчетливо подметил напор «стихийников». «Ядро стихийников,—писал он,—настоящие крестьяне, преимущественно от центральных перенаселенных районов, ...где наиболее сильно крестьянство обнаружило чернопередельческие тенденции — поровнять всех под одно, отобрать землю, не только купчую, а и надельную, свыше даже потребительной нормы, расхватать инвентарь и, конечно, даром, не платя ни гроша, ибо, дескать, все это добыто мужицким потом и кровью». Стихийники «не слушали никаких резонов, ибо—говорили они—нам так наказывали крестьяне, посылая нас сюда, и от этих наказов мы отступить не можем. В их речах проявлялись отчетливо все классовые вожделения малоземельного крестьянства, которое стремится воспользоваться революцией, чтобы заполучить без всяких затрат как можно больше земли и средств производства».

Центр, очевидно, балансировал между левыми и правыми, стараясь провести некую равнодействующую. Ошибочно было бы искать здесь какого-нибудь «перерождения эсеровской верхушки». Дело было в том, что напор «стихийников» сочетался с тактической линией центра. Огановский отмечает, что вождь левых (вероятнее всего—Коган-Бернштейн) разбивал доводы «государственников»—«легко и просто, одним выражением: «если мы не

---

[1] Н. И. Огановский, Дневник члена Учредительного собрания, «Голос минувшего», 1918 г., № 4—6, стр. 146. Огановский называет крайних правых в эсеровской фракции — государственниками, центр — ортодоксами, левых — стихийниками.

вставим их (т. е. левых пунктов) в закон—вставят большевики и левые эсеры, за которыми и пойдут массы...» Словом, он мечтал «переплюнуть» большевиков, как мечтало об этом и бюро».

Тактика, рассчитанная на то, чтобы «переплюнуть» большевиков, заводила с.-р. в безвыходный тупик. Она дискредитировала эсеровскую партию в глазах ее же представителей, разрушая последние остатки партийного единства. «Переплюнуть» противника было невозможно, потому что с.-р. не могли, оставаясь с.-р., вносить предложения более радикальные, чем программа большевиков. Игра на «левизне» не принесла бы положительных результатов также и потому, что она была запоздалой. «Нельзя обмануть классы», говорил Ленин. Но именно расчетом на обман классов было близорукое представление о том, что левые законопроекты могут зачеркнуть 18 июня, аресты земельных комитетов, словом, всю историю эсеровской партии в период Февральской революции.

Как бы то ни было, с.-р. взяли на ходу влево. Именно потому, после продолжительных колебаний, кандидатом в председатели УС наметили Чернова. «Что делать,—горестно замечал Огановский,—он наиболее удобен для той викжелистой политики, которую ведет сейчас бюро; он не запятнал себя «оборончеством» и всегда был злейшим врагом Керенского... Да, наконец, у нас нет никого, кто мог бы его заменить».

Субъективная оценка событий сказалась на всей предварительной деятельности эсеровской фракции. Так как все надежды возлагались даже не столько на органическую работу в УС, сколько на день открытия его, то фракция больше всего заботилась о том, чтобы стоять «на высоте исторического положения» в этот момент.

Помимо аграрного законопроекта, были разработаны проекты законов о мире, о низложении династии Романовых, об иммунитете депутатов УС, о продовольственном вопросе, проект манифеста. Бюро фракции организовало специальную Комиссию первого дня. Задачей этой Комиссии было, по словам Вишняка, «столкнуть демократию с диктатурой, так чтобы в народном сознании, чувствах и воспоминаниях осталась нерушимой связь УС с народными чаяниями и надеждами». В развитие этой субъективно-идеалистической перспективы Комиссия первого дня старательно разработала проект «столкновения». Фракция

должна была приложить все усилия к тому, чтобы законы о земле и мире были проведены в первом уже заседании УС. Было условлено, что, смотря по обстоятельствам, можно пожертвовать «балластом», т. е. остальными законопроектами. Даже с.-р. понимали, что через 19 месяцев после низвержения династии Романовых с законом, подтверждающим этот факт, можно и обождать. С.-р. решили принять все меры к тому, чтобы первое заседание не было сорвано большевиками. Не обошлось дело без комизма. «Тут,—пишет Огановский,—кстати вспомнили о тех римских сенаторах, которые сидели неподвижно, завернувшись в свои тоги, когда варвары ворвались в Рим, так что дикари приняли их за статуи». Комиссия первого дня назначила специальных «махальных», которые должны были подавать сигналы фракции во время голосования; была разработана особая система немых знаков. Избрали старейшего с.-р., который должен был открыть УС. Впрочем, даже в такой мелочи дело не обошлось без обмана. Старейшим по возрасту с.-р. был Егор Лазарев, но он оказался слишком дряхлым для исполнения высоких обязанностей. Поэтому «старейшим» утвердили более молодого—Швецова. Наконец, для полной аранжировки столкновения демократии с диктатурой, Комиссия первого дня заготовила свечи и бутерброды, на случай, если бы большевики оставили депутатов без света и без пищи.

По поводу дня открытия УС во фракции была большая разноголосица. Одни предлагали немедленно открыть УС, хотя бы и без большевиков, другие—сделать это нелегально, третьи—собраться в Киеве, на Поволжьи, у Каледина, на Дону, четвертые настаивали на отсрочке созыва УС.

С.-р. было сделано несколько попыток открыть УС ранее срока, назначенного большевиками. 28 ноября в Таврическом дворце собралось около сорока депутатов. На собрании, между прочим, обсуждался вопрос об арестованных большевиками трех к.-д., членах УС. Питирим Сорокин предложил не протестовать против ареста депутатов, «ибо протестовать может только учреждение не полновластное, а УС является властителем земли русской, не требовать ничего от тех, которые допустили подобные факты, ибо требовать опять-таки может учреждение неполновластное. Доводя свою мотивацию до абсурда, Сорокин рекомендовал констатировать факт ареста, «довести его

до сведения всего народа русского государства и признать арестованных представителей народа свободными».

Комизм предложений эсеровского социолога был подчеркнут тем, что они встретили не только серьезное отношение среди собравшихся депутатов: собрание приняло резолюцию в духе предложения Сорокина. Этот эпизод не нуждается в комментариях. «Бездейственные слова протеста, формула, гласящая, что мы, заключенные, свободны—звучит иронией»,—записал сидевший в Петропавловской крепости, Шингарев: арестованный кадет смотрел на вещи более трезво, нежели «констатировавшие» его арест с.-р. Демонстрация, которую с.-р. пробовали организовать 28 ноября, не удалась. Даже буржуазные газеты отмечали, что манифестация «не производила впечатления внушительной массовой силы. Она имела для этого слишком интеллигентский, не буржуазно, но разночинско-интеллигентский облик. Рабочие и солдатские массы отсутствовали, очевидно, повинуясь директивам Петроградского совета».

Вторичное собрание депутатов 29 ноября закончилось так же безрезультатно, а когда депутаты пробовали собраться и на следующий день, караул не пустил их в здание Таврического дворца.

С.-р. использовали «насилие» большевиков для агитационной кампании. В письме депутатов с.-р. «к народу» подробно описывалось «унижение», испытанное избранниками нации. Стараясь возбудить солдат против Красной гвардии, письмо отмечало, что караул Таврического дворца, пропускавший 28 и 29 ноября депутатов, был заменен «вооруженными штатскими наемниками Ленина и Бронштейна-Троцкого». В заключение депутаты призывали всех «к борьбе с новыми насильниками над народной волей».

Что выступление с.-р. в роли защитников скорейшего созыва УС воспринималось массами критически, показывает эпизод, рассказанный в «Деле народа». Уходя из Таврического дворца после одного из неудачных совещаний депутатов, председатель эсеровской фракции—Руднев—обратился к караульному матросу со словами: «А УС все же соберется».—«Мы и сами ждем его уже восемь месяцев», ответил матрос.

В декабре попытки самочинного созыва УС больше не повторялись. «Выжидая, что власть сама выявит свое убо-

жество и банкротство,—пишет Вишняк,—мы не форсировали дня открытия УС, не поддавались легкомысленным увещаниям самочинно открыть Собрание, хотя бы и не в достаточном числе и не в Таврическом дворце».

Где искать причины такой фаталистической оценки событий, такой недооценки фактора времени, который был блестяще учтен большевиками?

Исходить из одной лишь партийной идеологии с.-р. при ответе на этот вопрос было бы неправильно. Близорукость и пассивность отчаявшегося мелкого буржуа, обрывки субъективной социологии, исторические реконструкции — все это, несомненно, в значительной степени, определяло и тактику. Но эти идеологическая и психологическая надстройки покоились на объективном фундаменте. Мелкобуржуазная партия, встретившаяся лицом к лицу с потоком массового движения, с настоящей революцией, не могла избрать иной тактики. Эсеровская верхушка внезапно почувствовала, что почва уходит из-под ног—противник был несравненно более организован, на его стороне были массы. С.-р. помимо блестящей изоляции оказались без армии—многочисленная масса, еще недавно пополнявшая ряды эсеровской партии, оказалась скорее врагом, чем союзником; в рядах партии, во фракции УС царил разброд.

И эсеры и меньшевики планировали вооруженное выступление против пролетарской диктатуры под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию».

В этом направлении велась оживленная работа.

«Самарская» тактика существовала и в ноябре—декабре 1917 г. Но как раз попытки организации борьбы с большевиками, накануне открытия УС, еще сильнее оттенили всю безнадежность положения.

В половине декабря правоэсеровская фракция обратилась с письмом к депутатам—левым с.-р. и большевикам. Правые с.-р., заявляя о необходимости ускорить УС, предлагали образовать межфракционный орган, в ведение которого был бы передан Таврический дворец и все подготовительные работы, связанные с созывом УС. Фракция даже оправдывала постановление Совнаркома об отсрочке УС, но считала, что Совнарком должен был установить точную дату созыва УС.

Расчет с.-р. был весьма прост—в случае, если бы какое-нибудь из этих предложений было принято—инициа-

тива созыва УС и возможность его самочинного открытия перешла бы в руки с.-р.

На межфракционном совещании левые с.-р. (большевики не явились) предложили информировать обе фракции о программе первого дня. Правые с.-р., не желая, очевидно, выдавать своих планов «обходного» движения, отвергли это предложение. На вопрос о безоговорочной поддержке УС, представитель левых с.-р. заявил, что поддержка УС будет зависеть от того, выдержит ли собрание экзамен перед революцией. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о дне открытия УС. Правые с.-р. настаивали на 24—26 декабря. Левые с.-р., заявляя о своем желании ускорить открытие УС и соглашаясь с тем, что УС само установит кворум, достойный для начала работ УС, воздержались от намечения определенной даты открытия. На втором совещании 21 декабря со стороны правых с.-р. было видвинуто предложение открыть УС 28 декабря. Левые с.-р. настаивали на дате 5 января, установленной, по словам Карелина, в результате компромисса с большевиками. Предложение левых с.-р. было поддержано также и украинскими с.-р. Представители правоэсеровской фракции заявили о нецелесообразности дальнейших совещаний, ввиду расхождения в основных вопросах.

Разрыв произошел, конечно, не по вопросу о дне открытия УС (разница между предложенными датами равнялась неделе, как это изображало «Дело народа»). Правые с.-р., по словам Святицкого, желали знать, пойдут ли левые с.-р. в УС, «если мы, с.-р., самочинно, помимо большевиков, откроем его».

Согласие левых с.-р. означало бы открытый конфликт с большевиками—на это левые с.-р. не пошли.

2. Фракция с.-р. и военная организация.

«Над составлением документов,—записывал Огановский в своем дневнике о законопроектах, подготовленных эсеровской фракцией,—потрудились достаточно; написаны они отчетливо и даже величественно, с подчеркиванием всей высоты авторитета, созданного «волей народов Российской республики»—УС. Но все знают теперь цену высоким словам и предпочли, чтобы за УС

кроме «воли народа стояла здесь пара хороших полков и десяток броневиков».

Фразы о «воле народа» и воздыхания о броневиках отражали действительное настроение с.-р. Официально с.-р. занимали непротивленческую позицию. Когда член военной организации и депутат УС, с.-р. Б. Соколов, обратился к руководителю фракции с вопросом о защите УС, последний сделал «недоумевающее лицо». «Защищать? Самозащищаться. Что за нелепость. Понимаете ли вы, что вы говорите? Ведь, мы—народные избранники. Мы должны дать народу новую жизнь, новые законы, а защищать УС—это дело народа, нас избравшего». Практически с.-р. не отказывались воздействовать на народ в весьма определенном смысле. Военная комиссия ЦК с.-р. вместе с группой правых «активистов», куда входили Б. Соколов, Онипко, Д. Сургучев, член ЦК С. Маслов, Утгоф и др., главным образом военные депутаты фракции, деятельно готовили вооруженное восстание.

ЦК с.-р. занимал двойственную позицию, желая праздновать и на Антона и на Онуфрия. Массы были настроены отнюдь не в пользу с.-р.—этого не могли не видеть эсеровские вожди. Поэтому на открытую авантюру итти не решались, по словам Вишняка—«считаясь с этой психологией масс, фракция УС, как фракция, к оружию не звала». Когда Военная комиссия сорганизовала террористическую группу для захвата Ленина и Троцкого в эксцитативных целях, ЦК отказал в формальной санкции плана, боясь что рабочие будут возмущены похищением или убийством Ленина. По этим же мотивам ЦК и фракция официально не были связаны с готовившейся демонстрацией 5 января. Но начинания военной комиссии в действительности встречали полное одобрение ЦК и фракции. В случае неудачи восстания, эсеровская партия выходила сухой из воды, в случае его успеха «самозащита» избранников получила бы реальный базис.

3. Союз защиты Учредительного собрания

Для координаций действий всех антибольшевистских организаций был организован Союз защиты УС, находившийся в тесном контакте с Военной комиссией ЦК с.-р. «Несомненно,—пишет Б. Соколов,—комитет был преобла-

дающе интеллигентским. Объединял он вокруг себя большую часть демократической интеллигенции и некоторые круги из либеральной буржуазии. Персонально входили в него с.-р. (крайне правого толка) меньшевики-оборонцы, большую роль в нем играли народные социалисты, во главе с Н. В. Чайковским, имели касательство кооператоры, союзы служащих и кое-кто из кадетов». Союз, комитеты которого имелись в Петербурге, Москве и некоторых провинциальных городах, развил литературную и агитационную деятельность. Кампания велась под лозунгом—вся власть УС. В воззвании Союз призывал к борьбе против «захватчиков власти», которые не собирают УС, потому что «знают», что УС будет против них, что оно не одобрит сепаратного «похабного» мира, который они в Брест-Литовске заключают с германским и австрийским императорами». Обвиняя большевиков в разрухе и в декретировании гибельного для народного хозяйства рабочего контроля, спекулируя на безработице, Союз призывал к гражданскому миру. За неделю своего существования Союз распространил свыше 200 тыс. листовок и отправил на фронт 175 тыс. экз. газет социалистических партий, входивших в Союз.

В каких социальных кругах пользовалась успехом агитационная кампания Союза защиты? В недолгие дни своего существования, Союз афишировал связи с рабочими Петербурга. Перечисляя состав Союза, один из бюллетеней последнего называет 21 рабочий коллектив крупнейших петроградских заводов, присоединяя к ним «много других». Наивный современник мог бы только поинтересоваться, почему при таких благоприятных условиях реальная власть не находилась в руках Союза. Действительность жестоко противоречила известиям союзных бюллетеней.

«Несмотря на всю свою энергию Комитету все же удалось очень мало проникнуть внутрь рабочих масс, и пропаганда его в этом направлении была ничтожна и, боюсь сказать, почти бесследна,—пишет Соколов.—Еще менее удалась работа в петроградском гарнизоне... Среда, в которой семена, посеянные Комитетом, дали богатую жатву, была обывательская. Потому ли что это была наиболее благоприятная почва для противобольшевистской агитации, потому ли, что среда была наиболее родственна и близка Комитету, во всяком случае, работа, сделан-

ная последним в этом направлении, была весьма значительна и реальна».

Союзом были созваны две рабочих конференции. Доклады с мест оказались неутешительными. Все сходились на том, что, не отказываясь от надежд на отрезвление, рабочие настроены в пользу большевиков. Представитель III армии, нарисовав «картину господства большевиков в армии», заявил, что все же среди солдат существует уверенность, что большевики дадут «немедленный мир»[1]. Организаторы конференции, по всей вероятности, учли настроение собравшихся. Недаром докладчик по текущему моменту доказывал необходимость параллельного существования Советов и УС. «Советы, говорил он, должны играть роль организационную, а УС должно явиться строителем нового государственного строя». Чернов на этой же конференции заявлял, что «над Советами нельзя ставить крест» и призывал создать организации, «похожие на Советы», но защищающие УС. Та же идея развивалась в органе Московского союза защиты УС—выступать прямо против Советов было несвоевременно.

На собрании сочувствующих с.-р. и меньшевикам рабочих заводов Франко-русского и Нового адмиралтейства Соколов доказывал необходимость вооруженной рукой защищать УС. Слушатели отнеслись к призыву неодобрительно. «В ответ ряд вопросов, сомнений: «Не довольно ли было пролито братской крови? Четыре года была война, все кровь, да кровь... Большевики, действительно, подлецы, да только вряд ли они посягнут на УС...» «А по-моему,—заявил один из молодых рабочих—надо, товарищи, подумать не о том, чтобы ссориться с больше-

---

[1] «Бюллетень Всероссийского союза № 4 от 4 января 1918 г., 22/XII 1917 г. ст. ст.). Рецензент эсеровской «Воли России», изливая свое негодование по поводу моей статьи об Учредительном собрании («Историк, марксист» 1928 г., № 10), пишет: « .. автор естественно подбирает факты, указывающие на то, что уже во время выборов массы начинают отходить от с.-р., хотя это совсем не вяжется с результатами выборов. В то же время и сам автор проговаривается (?), что популярность большевиков росла за счет солдатских масс, желавших во что бы то ни стало мира. С этим спорить, конечно, не приходится, и октябрьский успех обязан солдатам, а не рабочим». («Воля России», Прага 1929 г., № 2).

Очевидно, по мнению эсеровского рецензента, «рабочие» конференции Союза защиты УС иллюстрируют «солдатский» характер Октября. Мы не собираемся полемизировать с «Волей России». Эмигрантский критик вынужден делать хорошую мину при плохой игре — это ему «по штату» полагается.

виками, а как с ними сговориться. Все же они, вишь, защищают интересы пролетариата. Кто сейчас в комиссариате Коломны — все наши франко-руссцы, большевики. Вот Смирнов, Шмахов и другие».

Что настроения молодого рабочего не были исключением, показывает результат собрания: в дружину для защиты УС записалось меньше пятнадцати человек.

Не лучше обстояло дело с солдатами—Военная комиссия пробовала связаться с лужским гарнизоном, но этому помешала неудача переговоров с Викжелем. В Измайловском полку солдаты возражали против нападков большевиков на УС, крича: «Не смей, не тронь, пущай будут и Советы и УС. Зря, что ли, избирали депутатов», но все же большевиков встречали сочувственно.

Рабочие и солдаты отказывались защищать УС—только такой вывод могли сделать руководители Союза защиты и Военной комиссии... Когда Военная комиссия занялась подсчетом сил, оказалось, что можно рассчитывать на Семеновский и Преображенский полки и бронедивизион. В эту часть включили свыше 600 офицеров и солдат, вызванных из эсеровских и других антибольшевистских организаций. Некоторую силу представлял фиктивный «солдатский» университет, насчитывавший несколько десятков человек. На рабочие дружины, находившиеся в ведении с.-р. Паевского, трудно было рассчитывать: в них числилось 2 тыс. дружинников, но только на бумаге.

Но если трудно было сорганизовать ударный кулак против большевиков из рабочих и солдат, то не меньшие трудности представляло сплочение мелкобуржуазных элементов. Даже в этой среде обнаруживался иногда весьма трезвый подход к лозунгу защиты УС. Когда руководители Союза защиты созвали совещание с представителями национальных партий и пробовали выяснить перспективы организации дружин национальных меньшинств, они столкнулись с «решительной оппозицией большинства присутствующих. Потребовали, чтобы сначала были решены так называемые «программные» вопросы—как отнесется УС к самоопределению народностей? Стоит ли оно за федерацию или за полную назависимость окраин». А литовский представитель, Булат, прямо заявил, что если ответы на эти вопросы не будут получены,—то «ни один солдат не подымет штыка на защиту УС»—решительно большевистская аргументация и критическое отношение к «верховно-

му хозяину земли русской» встречали сочувствие даже в лагере противника. Первое национальное совещание закрылось, не приняв никаких решений. А на втором совещании—на этот раз—без «ярых сепаратистов» оказалось, что сил мало: у грузин было несколько вооруженных человек; еврейская дружина насчитывала, правда, 200 чел., но они были вооружены... нарядом на ружья, выданным Временным правительством. В распоряжении эстонцев имелась хорошая дружина, но ее не хотели впутывать в дело, рассчитывать можно было только на армян.

Террористическая деятельность Военной комиссии не увенчалась успехом—единственным памятником ее осталось неудачное покушение на Ленина.

Военная комиссия и Союз защиты выработали план выступления, назначенного на 5 января. Предполагалось собрать у фабрики Гознак дружинников и сочувствующих рабочих вместе с теми силами, которыми располагал Союз защиты в Нарвском и Коломенском районах. Число собравшихся предположительно могло составить 8—10 тыс. человек. Затем демонстранты должны были двинуться к бронедивизиону в Измайловском полку и с 8—9 броневиками итти к Технологическому институту, потом к Семеновским казармам и, присоединив до 3 тыс. семеновцев, вооруженных винтовками и пулеметами, направиться к Таврическому дворцу и предоставить себя в распоряжение УС.

В действительности дело шло, конечно, не о вооруженной демонстрации, а о восстании для свержения большевиков. Члены военной организации «были в боевом порядке, всегда с заряженным револьвером». Формально о демонстрации говорили как о мирной. Но ее конечные цели не были секретом. Агитируя за участие в мирной манифестации, воззвание Всероссийского союза защиты УС призывало «мужественно и настойчиво отстаивать свое право на мирную манифестацию, если бы с чьей-либо стороны манифестация встретила противодействие». С большей откровенностью высказался Московский союз защиты УС, прямо заявивший, что «демонстрация должна устранить всех врагов всенародной власти»[1].

---

[1] «Щит», изд. Московского комитета защиты печати, № 1, 5/I 1918 г.; «Известия Московского союза защиты УС», № 2, 1/I 1918 г.; «Бюллетени Всероссийского союза защиты УС», №№ 1, 4, 12.

По словам Тимофеева 13 бронемашин должны были обстреливать площади, а если понадобиться, то и Смольный.

Но накануне выступления Гоц передал постановление ЦК, рекомендовавшего не начинать выступления, прежде чем не выяснится, «какие размеры примет демонстрация и в какую форму она выльется. Эсеровский ЦК спасовал, как утверждает Вишняк, из-за учета «реального соотношения сил». Даже лидер правых, «реалистически настроенный» Руднев, считал, что борьба может вестись только в стенах Таврического дворца.

Трусливая тактика мотивировалась боязнью гражданской войны. Памятуя о неудаче сопротивления большевикам в октябре, с.-р. вновь выдвигали фаталистическую формулировку о самопроизвольном «изживании» большевизма массами. Эти словестные излияния скрывали весьма простую истину: эсеровские генералы оказались генералами без армии.

Помимо союза защиты УС и Военной комиссии ЦК, в Петрограде существовали офицерские группы, подготовлявшие свержение большевиков.

Одна из таких групп, созданная по инициативе Б. В. Шульгина, рассчитывала начать борьбу либо во время разгона УС, либо, если УС не будет разогнано—«стравить» с.-р. и большевиков с тем, чтобы потом устранить и тех и других. Для создания единого фронта в програм̆му группы был включен пункт об УС, но главная задача заключалась в создании реальной силы, которая могла бы покончить с большевизмом [1].

Можно думать, что группы, подобные этой, не располагали сколько-нибудь значительными силами—они не проявили себя никакими выступлениями ни до открытия УС, ни в день его разгона. Судя по ряду известий, офицерство в своей массе еще не организовалось, исключая активистов, которые еще до Октября начали пробираться на Дон к Каледину.

---

[1] Сборник «Белое дело», т. IV, 1928 г., ст. Н. Нелидова «Заговоры в Петрограде».

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ЕГО РОСПУСК

1. 5 января 1918 г.

Историк, который рассчитывал бы найти драматические эффекты в день 5 января 1918 г., был бы разочарован. Внешняя обстановка первого заседания УС и его роспуска была донельзя проста.

«Все решительно, все как обычно: простой серенький день», вспоминает Святицкий о 5 января. Эсеровская фракция до прихода в Таврический дворец включила в программу дня вопрос о продовольствии. С.-р. узнали, что направляющиеся в адрес УС продовольственные грузы— лишний козырь в руках УС. От места сбора эсеровская фракция направилась в Таврический дворец. «С.-р.,—вспоминает С. Мстиславский,—в большинстве явились в серьезнейших, наглухо, доверху застегнутых сюртуках все с красными розетками в петлицах, накрахмаленные, торжественно пробритые до лакированности»[1]. Открытие заседания задержалось, так как собрание большевистской фракции, начавшееся после полудня, сильно затянулось.

На собрании фракции большевиков стояли вопросы о характере работ УС. Очевидно настроение фракции под влиянием работы ЦК за это время изменилось. Большинство фракции поддержало предложения ЦК о немедленной ликвидации УС. «Когда кто-то из товарищей,—вспоминает Раскольников,—заикнулся о возможности длительного существования учредилки, т. Бухарин воскликнул: «не будем же мы здесь терять целую неделю. Самое большее, мы просидели три дня»[2]. Иллюзий об органической работе в УС не было. За отсрочку роспуска УС до III съезда Советов голосовал только один Рязанов. Собрание решило предложить УС принять декларацию

---

[1] С. Мстиславский, Пять дней, 1922 г.

[2] Истпарт. Я. М. Свердлов, Сб. статей и воспоминаний, Изд. 1926 г., Ленинград стр. 99.

ВЦИКа и утвердило кандидатуру М. Спиридоновой в председатели УС.

Некоторые с.-р., недовольные задержкой открытия заседания, предлагали силой ворваться в зал и начать собрание. Это предложение было отвергнуто, по настоянию бюро фракции, которое рекомендовало «действовать осторожно, не давая самим повода к разрыву, с тем, чтобы осуществить свой план: во что бы то ни стало в первом же заседании принять законы о республике, о земле»[1].

В зале заседания большевики и левые с.-р. заняли левый сектор; с.-р. расположились в правом секторе. В центре разместились национальные партии. «Никогда,—пишет Святицкий,—мне не снилось, что я буду сидеть на одной из октябристских скамей». Правее эсеров был народный социалист и 3—4 кадета. Воспользовавшись опозданием Свердлова, с.-р. пытались сами открыть собрание. Депутат Швецов уже поднялся на трибуну. Но большевики устроили самозванному председателю обструкцию. Поднялся страшный шум. «В течение нескольких минут,—пишет Раскольников,—мы своим шумом буквально заглушили голос Швецова, который растерянно позванивал колокольчиком и, беспомощно шевеля губами, являл собою весьма жалкий вид. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта катавасия, если бы в самый критический момент на председательской кафедре не выросла полная энергии фигура Я. М. Свердлова. Безукоризненно владея собою, т. Свердлов отобрал у Швецова звонок и с властной уверенностью отстранил его в сторону. Вслед за тем, когда воцарилась тишина, он громким, импонирующим басом провозгласил на весь зал: «Исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания»[2].

Вслед за этим Свердлов прочел декларацию ЦИКа, начинавшуюся словами «ЦИК постановляет следующие основные положения: «Учредительное собрание постановляет: 1) Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».

---

[1] Святицкий, 5—6 января 1918 г., «Новый мир», 1928 г., кн. 2, стр. 224.

[2] Истпарт. Я. М. Свердлов. Сб. статей и воспоминаний.

Далее декларация подтверждала декреты и программу советского правительства. Констатируя неправильность противопоставления УС, избранного по спискам, составленным до Октябрьской революции, власти Советов «даже с формальной точки зрения» декларация отмечала, что исключительная полнота власти должна принадлежать Советам и что задачи УС «исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества».

Внесение декларации представляло собой блестящий тактический ход большевистской партии. Этот ход разбивал вдребезги тщательно обдуманный эсеровский план «первого дня». С.-р. строили свои расчеты на том, чтобы провести основные законы, игнорируя советскую власть и ее законодательство. Они стремились к тому, чтобы законы, принятые УС, стали отправным пунктом для критики большевистских декретов. План их был разгадан большевиками задолго до 5 января. На заседании Петроградского комитета партии 12 (25) декабря Урицкий, намечая возможные перспективы действий противника, указывал, что наиболее выгодной для большевиков была бы постановка вопроса о власти в первую очередь. Но предполагалось, что с.-р. могут поставить вначале вопрос о мире, и, лишь укрепившись, перейти к проблеме власти.

Декларация ВЦИКа выбивала инициативу из рук противника и заставляла его принять бой на невыгодных для него позициях. Декларация вызывала с.-р. на столкновение по вопросу об отношении к советской власти, т. е. как раз по тому вопросу, который с.-р. хотели обойти. Теперь это оказывалось невозможным—с.-р. вынуждены были дать прямые ответы на «вопросы роковые» и тем самым демонстрировать противопоставление УС—Советам и их уже осуществляемой программе. Недаром тактического искусства, проявленного большевиками, не могли отрицать даже их противники. «Это был ловкий стратегический ход, которого мы, с.-р., не предвидели»,— пишет Святицкий. «Рассчитывая обойти противника, мы сами оказались обойденными», замечает Вишняк.

С.-р. пробовали смягчить впечатление от декларации. Представитель эсеровской фракции Лордкипанидзе, предлагая в председатели Чернова, заявил, что хотя УС может открыть свои работы только по собственной инициа-

тиве, но с.-р. по этому формальному вопросу боя не дадут[1].

Скворцов, предложивший от большевиков и левых с.-р. в председатели Спиридонову, ответил, что разрыв с правыми с.-р. уже совершился на баррикадах. Большинством 244 против 153 в председатели УС был избран Чернов.

Речь Чернова представляла собой пример обычной эсеровской декламации, окрашенной в весьма левые тона. Председатель УС, старательно избегавший упоминания об Октябре, о существовании советской власти, начал речь упоминанием о том, что русская революция родилась со словами мира на устах. Он упомянул о Циммервальде (это вызвало смех на скамьях большевиков), высказался против сепаратного мира за всеобщий демократический мир, переговоры о котором должно повести УС.

Слова Чернова о земле, вызвали особенно оживленные реплики. Когда Чернов заявил о необходимости передать землю без выкупа в общенародное достояние, его перебили возгласом: «Да здравствуют Советы, передавшие землю крестьянам!»

«... Граждане,—продолжал Чернов,—народ хочет не слов, а дела. И в земельном вопросе перед вами колоссальная задача: из области голых лозунгов и общих формул перейти, наконец, в область осуществления, «всеобщая передвижка земельного пользования не делается одним росчерком пера, не делается никакими плакатами»...

— «Знаем, слыхали, уже принято, комиссары и Советы все это уже дали; поздно, не вы ли расстреливали крестьян»,—кричали с мест.

Заявляя, что «социализм не есть скороспелое приближение к равенству в нищете», Чернов призывал к гражданскому миру, который положит конец всеобщей разрухе. В числе организаций, на которых ложится задача проведения в жизнь решений УС, Чернов назвал прежде всего профсоюзы и кооперативы. Советы оказались лишь на третьем месте. В вопросе о Советах Чернов сделал весьма неловкий вольт. «Советы,—говорил он,—которые первые провозгласили лозунг борьбы за УС, первые провозгласили, что только буржуазия может быть заинтересована в оттяжке УС, изменили бы себе, изменили всему своему прошлому, если бы в угоду заинтересован-

[1] Учредительное собрание, Стенографический отчет, Птгр. 1918 г.

ным обладателям власти отказались от лозунга его поддержки и защиты».

Неловкая спекуляция эсеровского вождя ярко отразилась в этой тираде—в зале УС не было человека, который не понимал, что Советы «изменили своему прошлому» еще до Окртябрьской революции, перейдя на сторону большевиков.

«Право каждого из вас сидеть на одном из этих кресел, добыто... бесчисленными жертвами со стороны многих поколений», продолжал Чернов.—«Добыто Октябрьской революцией», поправляли его с мест.

Речь Чернова не удовлетворила не только его противников, но и сторонников, в особенности с.-р. правого крыла. Вишняк считает, что Чернов говорил «фальшиво», «умышленно искал блока с большевиками»; об «акробатических упражнениях на лозунгах большевиков» говорит и Огановский. Минор отмечал «уклоны» речи, которые, «как бы давали исход некоторой левизне, некоторым уступкам в сторону большевиков». Многие правые с.-р. полагали, что Чернов слишком резко отклонился влево по сравнению с репетиционной речью.

Вторичная попытка с.-р. обойти вопрос о власти была разоблачена Бухариным, предложившим обсудить декларацию ВЦИКа. «Мы полагаем,—говорил Бухарин,—что вопрос о власти партии революционного пролетариата есть коренной вопрос текущей русской действительности, есть вопрос, который окончательно будет решен той самой гражданской войной, которой никакими заклинаниями никаких Черновых остановить нельзя вплоть до полной победы победоносных русских рабочих, крестьян и солдат».

Бухарин разъяснял, почему УС не может решить ни одного вопроса, не решив вопроса о власти. Необходимость регулирования производства ясна, например, всем, но решение этой проблемы зависит от того, какое государство займется регулированием—советское правительство или коалиция, которая будет действовать в интересах буржуазии. С кем идет УС, спрашивал Бухарин—«с Калединым, с юнкерами, с фабрикантами, купцами, директорами учетных банков или с серыми шинелями, с рабочими, солдатами, матросами»?

Левые с.-р. в самом начале заседания заняли колеблющуюся—хотя и с большим креном налево—позицию.

Штейнберг предложил обсудить декларацию в целом, не выделяя ни одного вопроса, в том числе вопроса о власти и принять ее, как программу УС. Предложение это смягчало заостренную формулировку большевиков, но не вносило ничего нового по существу вопроса. Декларация была построена именно таким образом, что проблема власти являлась ее стержнем, все остальные вопросы были только функцией центральной проблемы.

Церетелли был встречен шумом и свистками. «Долой тех, кто голосовал за смертную казнь!», кричали с мест. Церетелли обвинял большевиков в том, что их позиция по отношению к УС противоречива—не признавая УС как органа народной власти, нельзя давать ему декретов на санкцию. Вслед за этим оратор перешел к критике Октябрьской революции. Хлеба нет, земля «переменила владельца», но беднейшее крестьянство не обзавелось ни землей, ни инвентарем; нет уверенности, что реформа не станет ставкой на крепкого мужика, утверждал Церетелли. «Пусть Керенский хуже вас, но это не доказывает, что вы лучше УС», заявлял оратор. Этот тезис бил, прежде всего, по автору—ведь большинство УС и было тем «Керенским», который, по допущению Церетелли, мог быть хуже большевиков.

В речи Церетелли звучали старые ноты—вождь мелкобуржуазной демократии напрягал все усилия для того, чтобы доказать необходимость «соглашательства в рядах демократии». «Восемь месяцев вы имели в своем распоряжении все средства, говорите вы. Но проклятием тех восьми месяцев было то, что этого общенародного... органа народной воли не было». Если УС будет разрушено, то в стране разгорится гражданская война, и господство перейдет в руки цензовой буржуазии, предсказывал Церетелли. В заключение он огласил декларацию меньшевиков, требовавшую, «чтобы все органы власти, возникшие на почве гражданской войны, признали верховную власть УС, передав ему целиком дело устроения Российской демократической республики, дело немедленного заключения мира, укрепления земли за народом, регулирования промышленности и торговли и возрождения народного хозяйства при деятельном участии трудящихся масс».

От большевиков отвечал Церетелли Скворцов, разобравший в своей речи «общенародную волю», о которой говорил Церетелли. Скворцов отвел также выпад Церетелли

по поводу санкции декретов советского правительства УС. «Граждане, вы самообольщаетесь,—заявил Скворцов.—Мы хотим развеять тот туман, тот фетишизм, которым еще в глазах многих окружено УС». Речь Скворцова, между прочим, понравилась Ленину.

Декларацию от левых с.-р. прочел Сорокин. Декларация в своих основных чертах повторяла декларацию ВЦИКа, но представитель левых с.-р. и здесь не мог обойтись без того, чтобы не смазать противоречия между правым и левым крылом УС. Призывая крестьян добиться земли и воли, Сорокин говорил: «В этом отношении у нас, у крестьян, никакой разницы нет. Мы все здесь одинаковые—и правые и левые». Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами справа и в центре. С.-р., все время пытавшиеся повернуть прения от вопроса о власти к своей програме дня, выдвинули еще до речи Скворцова Зензинова, который предложил перейти к обсуждению вопросов о мире, земле и т. д.

Но и эта попытка оказалась напрасной, поскольку с.-р. не могли устранить того факта, который сделал их позицию не выгодной—декларация ВЦИКа б ы л а в н е с е н а.

После речи Сорокина было произведено голосование: за переход к порядку дня, предложенному с.-р., высказалось 237, за обсуждение декларации ВЦИКа—146 депутатов. Большевики и левые с.-р. потребовали перерыва. Руководящая тройка запретила членам эсеровской фракции уходить из зала из опасения, что обратно их не пустят. С.-р. Тимофеев пробовал затушевать основную коллизию, заявляя, что с.-р. не возражают против обсуждения декларации ВЦИКа вообще, но в торжественный день «нужны не декларации и слова, а дело».

На заседании фракции большевиков, во время перерыва, выступал Ленин. Его речь дошла до нас только в передаче Мостовенко. Ленин сказал, что известная тревога, с которой ЦК партии ожидал первого дня УС, не оправдалась, так как меньшевики и с.-р. оказались неспособными к действию. Поэтому ЦК решил дать им «поговорить», чтобы не создать для правого сектора ореол мучеников. По словам Мостовенко, некоторые члены фракции возражали Ленину, заявляя, что ЦК навязывает свою волю депутатам. От имени ЦК Ленин предложил после оглашения декларации покинуть зал заседания. «А что же будут делать с.-р. после нашего ухода?—спросил кто-то из

товарищей».—«Вероятно, будут продолжать свою болтовню».—«До каких же пор они будут продолжать ее?»—«Пока им не надоест это занятие»[1].

Ленин настоял на том, чтобы в зал не возвращаться. По словам Мещерякова он мотивировал свое предложение опасением, что уход большевиков подействует на караул, и солдаты и матросы могут перестрелять эсеровских и меньшевистских депутатов. Решено было, что в зал пойдет один Раскольников, который и огласит декларацию.

После перерыва правая часть УС приняла предложение Скобелева об избрании комиссии для расследования событий 5 января и почтила память убитых демонстрантов вставанием. Вслед за этим с.-р. Тимофеев, выступавший по вопросу о мире, высказывался в пользу всеобщего мира и настаивал на том, чтобы УС взяло в свои руки инициативу созыва Стокгольмской конференции. Тимофеев предлагал также принять закон о демобилизации. Солдаты «имеют законное право на отдых и они его от УС получат». Эти громкие слова звучали таким же анахронизмом, как и речи Чернова о земле. «Право на отдых», земля—все это уже было получено, но не от УС.

Вскоре слово получил Раскольников, огласивший краткую декларацию большевиков.

Декларация констатировала, что большинство УС «в согласии с притязаниями буржуазии» отвергло требование трудящихся масс признать завоевания Октябрьской революции, советскую власть и ее декреты. Квалифицируя эсеровскую часть УС как контрреволюционное большинство УС, выражающее «вчерашний день революции и решившее на деле бороться против социалистических мероприятий власти Советов, декларация заявляла, что большевики, «не желая ни на минуту прикрывать преступления врагов народа» покидают УС «с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания».

Декларация об уходе завершила тактический план, блестяще проведенный большевиками. Большевики дали бой с.-р. и меньшевикам по вопросу о в л а с т и. Теперь позиция их была весьма выгодной. Не большевистское

---

[1] Н. Л. Мещеряков, Из воспоминаний о Ленине, «Печать и революция», 1924 г., кн. 2, стр. 8.

меньшинство голосовало против законов, принятых УС, как того хотели с.-р., а, наоборот, с.-р. и меньшевики открыто высказались против советской власти, против декретов о земле, мире.

Теперь с.-р. могли принимать какие угодно законы: УС после ухода большевиков не было УС.

Левые с.-р. продолжали колебаться (по сообщению «Новой жизни» во фракции развернулись горячие прения по вопросу об уходе из УС). Штейнберг от имени левоэсеровской фракции заявил, что, отклоняя обсуждение декларации ВЦИКа, большинство УС стало против Советов. Но левые с.-р. решили не покидать собрания, чтобы не дать формального повода для разрыва. Штейнберг ультимативно предложил обсудить ту часть декларации ВЦИКа, где говорилось о мире.

Только после того, как выяснилось, что предложение Штейнберга не вызывает сочувствия у большинства УС, левые с.-р. покинули собрание. Что левые с.-р. плелись в хвосте революции, не прерывая идейной связи с правыми с.-р., показывает обращение левоэсеровской фракции к избирателям. «Мы не вышли из заседания вместе с большевиками,—говорилось в обращении,—так как считали отказ от обсуждения советской декларации лишь формальным поводом к разрыву с большинством УС. Только давши бой на разрешение одного из конкретных социальных вопросов жизни (будто вопрос о в л а с т и не является наиболее конкретным вопросом.—Н. Р.)—вопроса о мире—мы покинули зал заседания»[1].

После ухода большевиков продолжалось обсуждение вопросов принятого порядка дня. Было вынесено даже специальное решение—не расходиться, пока не будут приняты законы о земле и мире.

Любопытным диссонансом к выступлениям официальных представителей эсеровской фракции прозвучала речь «рядового солдата» с.-р. Григорьева, выступавшего от имени томской группы эсеров. Григорьев как бы иллюстрировал тот пункт большевистской декларации, где говорилось о старых избирательных списках в УС, не отвечавших пооктябрьской действительности. «Хотя еще оставшись во фракции, но мы себя считаем левыми и не примкнули к левым с.-р. лишь по некоторым маленьким недоразумениям»,

---

[1] «Вокруг Учредительного собрания», сб. статей, Птгр. 1918 г.

говорил Григорьев. «На мир мы, томские депутаты, смотрели так: мир во что бы то ни стало; предложил союзникам,—ежели не примут, ежели не пойдут... заключим сепаратный мир... В вопросе о мире мы, томские с.-р. интернационалисты, отклоняемся от партии... Я стоял за братание и против смертной казни... Мы, крестьянский Совет томский, не приняли большевистской власти, потому что социал-демократ, который вчера называл нас буржуями, к сожалению, не может дать земли, и мы только в этом расходимся».

Лучший пример отхода от с.-р., постепенного прояснения сознания масс трудно найти. Интересно, что к резолюции ЦИКа о мире присоединилась также и мусульманская социалистическая фракция УС.

Вопрос о дальнейшей судьбе УС обсуждался после ухода большевиков в одной из зал Таврического дворца. Было решено 6 января никого в Таврический дворец не пускать и тем самым распустить УС. Когда УС покинули и левые с.-р., комендант УС, матрос Железняков, заявил Дыбенко, что караул устал. Дыбенко приказал разогнать УС после ухода наркомов из Таврического дворца. Против этого запротестовал Ленин, потребовавший не разгонять УС до окончания заседания. После ухода Ленина Железняков, по словам Дыбенко, спросил последнего: «Что мне будет, если я не выполню приказание т. Ленина?»—«Учредилку разгоните, а завтра разберемся»,—ответил Дыбенко[1].

После оглашения эсеровского законопроекта о земле Железняков потребовал от Чернова прекратить заседание, так как караул устал. Оратора Фундаминского перебивали криками: «Долой, узурпаторы!»

Разгон УС произошел в спокойной обстановке. В минуту ликвидации буржуазной демократии история поскупилась даже на малейший драматический эффект. Чернов посовещался с секретарем УС Вишняком и ответил Железнякову, что, хотя «все члены УС также очень устали, никакая усталость не может прервать оглашения того земельного закона, которого ждет Россия».

Слова Чернова были покрыты шумом и криками «довольно, довольно». Железняков настаивал на немедленном прекращении заседания.

---

[1] П. Е. Дыбенко, Мятежники, М., 1923 г., стр. 111.

С.-р.—как передает Святицкий—согласились закончить заседание, так как боялись, что большевики распорядятся погасить свет. Некоторые представители правого лагеря упрекали впоследствии большинство УС в том, что оно подчинилось «узурпаторам». «Почему они испугались матроса Железнякова, почему не поставили его перед необходимостью насильственного разгона, арестов, расстрела высокого собрания,—писал Рожков.—Политически это был бы серьезный шаг. Надо было объявить заседание непрерывным и бороться с мужеством отчаяния» [1].

Объективно поведение большинства можно объяснить только его изолированностью. Демонстрация 5 января показала депутатам, что на какое бы то ни было сочувствие масс рассчитывать не приходится. Внутренний распад партий с.-р. и меньшевиков зашел настолько далеко, что в нужный момент неоткуда было почерпнуть то «мужество отчаяния», о котором говорил Рожков.

Чернов стал проводить законопроекты «на курьерских».

Мелкобуржуазная демократия в 1918 г. только копировала другую конституанту, «учредилку» 1789 г. «Это была горячка великодушия, это был бред самоотвержения, подобного которому никогда не было в летописи народов,—писал Луи Блан по поводу ночи 4 августа 1789 г.—...Число великодушных пожертвований было столь значительно, соревнование искупительных предложений столь сильно, что секретари не успевали записывать их слишком быстрое перечисление».

«Бред самоотвержения» 4 августа 1789 г. объяснялся реальным пламенем, которое охватило замки феодалов в дни крестьянских восстаний. Спустя 129 лет история повторилась: с.-р. и меньшевики торопились с великодушными предложениями только для того, чтобы вернуть утраченную власть.

Заседание продолжалось.

Открытым голосованием был принят закон о земле (пункты, оставшиеся неоглашенными, были сданы в комиссию), обращение к союзникам об определении точных условий демократического мира. Резолюция выражала «сожаление» по поводу того, что мирные переговоры приняли сепаратный характер, и заявляла, что УС, продолжая пе-

---

[1] «Октябрьский переворот» (Факты и документы), Птгр., 1918 г., стр. 42.

ремирие, берет на себя дальнейшее ведение переговоров в интересах всеобщего демократического мира и обещает содействие социалистическим партиям в деле немедленного созыва международной социалистической конференции. Было постановлено избрать делегацию (пропорционально представительству фракций) для переговоров с союзниками. После провозглашения Российской демократической федеративной республики Чернов закрыл заседание в 4 ч. 40 м. утра 6 января, объявив перерыв до 5 часов вечера того же дня.

Но следующего заседания УС не состоялось. А ночью 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске УС. Выясняя противоречие между органом буржуазного парламентаризма УС и Советами, декрет констатировал, что, отказываясь принять к обсуждению декларацию ВЦИК, УС «разорвало всякую связь между собой и советской республикой России». Большевики и левые с.-р. не могли не покинуть такого УС, партии большинства которого ведут за стенами УС открытую борьбу против советской власти.

«...оставшаяся часть УС может в силу этого играть роль только прикрытия борьбы буржуазной контрреволюции для свержения власти Советов.

Поэтому ВЦИК постановляет:

«Учредительное собрание распустить».

2. Отношение масс к роспуску Учредительного собрания

«Когда я попал из бьющего ключом, полного жизни Смольного в Таврический дворец, я почувствовал себя так, как будто бы я находился среди трупов и безжизненных мумий»[1], говорил Ленин на заседании ВЦИКа, принявшего декрет о роспуске УС. «Точно история нечаянно или по ошибке повернула часы свои назад, и перед нами вместо января 1918 года на день оказался май или июнь 1917 года», писал он в тот же день. Это ужасно. Из среды живых людей попасть в общество трупов, дышать трупным запахом, слушать тех же самых мумий «социального» луиблановского фразерства, Чернова и Церетелли,

[1] Ленин, Соч., т. XXII, стр. 186

это нечто нетерпимое»[1]. В самом деле наблюдателю должна была, прежде всего, броситься в глаза полная изолированность эсеровско-меньшевистского большинства УС. Характерно то, что ни в одной из речей представителей большинства УС мы не находим даже призыва к народным массам, попытки противопоставить народ большевикам. Сознание своей отчужденности сказалось в отношении эсеровских депутатов к петроградским рабочим и солдатам, заполнившим хоры Таврического дворца. «Что это был за народ!—с ужасом восклицал правый с.-р. Минор.—Красногвардейцы в папахах, матросы, конечно, все в полном вооружении». Для Пумпянского это были «хулиганы из чайной союза русского народа», для Б. Соколова «банда пьяных матросов», для Огановского «становище хамоидолов».

Что УС не пользуется поддержкой широких масс, это показала уже демонстрация 5 января в Петербурге. В воззваниях союза защиты УС по поводу событий 5 января усиленно распространялись сведения о «многих тысячах рабочих», участвовавших в демонстрации. Едва ли нужно доказывать вздорность этой легенды. «Состав шествия был такой,—говорил организатор эсеровских боевых рабочих дружин, с.-р. Паевский: «Немногочисленное количество партийных, дружина (около 60 чел.—*Н. Р.*), очень много учащихся, барышень, гимназистов, в особенности много чиновников всех ведомств, организации к.-д. со своими зелеными и белыми флагами, Поалей-Цион и т. д. при полном отсутствии рабочих и солдат». «Были эти группы неопределенны по свему составу,—замечает Соколов,—чиновники, рабочие, студенты и просто обыватели и интеллигенты», потом в демонстрацию влилось несколько десятков семеновцев. По словам к.-д. Изгоева среди 50—60 тыс. демонстрантов было тысяч десять рабочих.

«Но основную массу вышедших на улицу людей составляли интеллигенция, студенчество разных школ» [2]. «В многочисленной толпе преобладала интеллигенция: студенчество, мелкие школьники и т. п.,—писала «Новая жизнь»;—группы рабочих с Васильеостровского района были не-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 182.

[2] См. «Обвинительное заключение по делу ЦК и отдельных членов иных организаций партии с.-р.», М. 1922 г. изд. ВЦИК, стр. 12, 13; «Архив русской революции», изд. Гессеном, т. X, стр. 24, т. VIII, стр. 63.

многочислены—в каждой из таких групп было всего несколько десятков человек. Солдат почти не было».

Мелкобуржуазные парламентские иллюзии были поддержаны, главным образом, городской мелкой буржуазией. Расчеты на то, что демонстрация превратится в восстание, не оправдались. Ни количество собравшихся, ни настроение их не могли способствовать такому ходу событий. «Я отлично помню,—пишет Изгоев,—как за все четыре часа, проведенные в рядах демонстрантов, у меня ни на одну минуту не было сомнения, что ничего не будет, что это только торжественные похороны по первому разряду. В толпе не чувствовалось ни малейшего энтузиазма». «Собирались вяло, немного робко, без энтузиазма, сколько-нибудь заметного», вспоминает Соколов.

Большевики считались с возможностью столкновений. Приказ командующего чрезвычайным военным штабом Еремеева предписывал строгую охрану района Смольного. «Безоружных возвращать обратно, говорилось в приказе, вооруженных людей, проявляющих враждебные намерения, не допускать близко, убеждать разойтись и не припятствовать караулу выполнять данный ему приказ. В случае неисполнения приказа —обезоружить и арестовать. На вооруженное сопротивление ответить беспощадным вооруженным отпором. В случае появления демонстрации каких-либо рабочих убеждать их до последней крайности, как заблуждающихся товарищей, идущих против своих товарищей и народной власти» [1].

Надежды эсеров на солдат не оправдаилсь. Полковой комитет Семеновского полка отказался отдать приказ об участии в демонстрации. Столкновение все же произошло. Когда демонстранты пытались в разных местах прорвать караулы, солдаты и красногвардейцы открыли огонь—несколько демонстрантов было убито.

То же, примерно, произошло и в Москве, где с.-р. и меньшевики вели усиленную агитацию в тыловых частях, в военнопромышленных комитетах, в Земгоре, Земсоюзе и т. п. учреждениях. 5 января демонстранты ворвались в Совет и комитет партии большевиков городского района, пробовали оттеснить цепи красногвардейцев. В результате столкновений на Красной и Лубянской площадях 5

[1] В. Бонч-Бруевич, Созыв Учредительного собрания («Огонек», 1925 г., № 46 (137).

и 7 января было убито 9, ранено около 30 демонстрантов и несколько красногвардейцев [1].

Выступления в защиту УС имели место и в провинции. Так, например, в Новгороде стачечный комитет союза служащих правительственных и общественных учреждений, организованный еще в октябре, объявил забастовку, к которой примкнула часть рабочих. Прекратили работу телефон и телеграф, почта, типографии и водопровод; в Антониев монастырь стали стекаться вооруженные офицеры, ударники и гимназисты. 5 января состоялась антисоветская демонстрация. На следующий день отряд, прибывший из Петербурга, занял контрреволюционную базу [2].

Среди рабочих и солдат роспуск УС не вызвал никакого отклика. 6 января во время митинга на фабрике Гознак, известной своим антибольшевистским настроением (что, в свою очередь, объяснялось большой мелкобуржуазной прослойкой рабочих этой фабрики), Б. Соколов «уже не мог заметить ни возмущения большевиками, столь резко и ярко выраженного до 5 января, ни того поклонения перед демократией и идеей УС, которое было характерно для этого фабричного центра». 5 января на франко-русском заводе преобладало нерешительное настроение, шестого там встречали с энтузиазмом большевиков: «и рабочие, самые умеренные, между собой толкуют: «Ведь никто, собственно, не разогнал Учредиловку, она разошлась сама собой. Немного понадобилось большевикам, чтобы с нею справиться». Преображенцы и семеновцы, на сочувствие которых надеялись с.-р., отнеслись к разгону УС равнодушно. «Сознательные» были настроены более активно. «И до чего же, скажу вам, народ озверел,—рассказывал о своем столкновении с караульным депутат-эсер, возвращаясь из УС:—я беру его за винтовку и говорю «брось»! Ты только подумай, что делаешь, кого хочешь застрелить». А он мне—«Если, говорит, таких не стрелять, так кого же расстреливать. Контрреволюционеры вы все. Буржуям продались» [3].

---

[1] Я. Пече, Контрреволюционное выступление в Москве в связи с разгоном Учредительного собрания. «Пролетарская революция», № 1, 1928 г.

[2] «Красная летопись», № 3 (24), 1927 г. «К истории организации советской власти в Новгородской губернии», А. П. И

[3] Газета «Народовластие», № 1, 24/II 1918 г. «В Архангельский по дороге из Таврического».

Митинги 6 января успешно прошли для большевиков — только два эсеровских депутата рискнули выступить на этих митингах в защиту распущенного УС.

Так отнеслась к ликвидации русской конституанты революционная столица. Но как реагировали на роспуск УС провинция, армия, крестьянство? Что разгон УС не вызвал сколько-нибудь серьезного отклика в массах, видно из того, что выступления меньшевистско-эсеровской верхушки в защиту УС оказались спорадическими и изолированными. Учредиловские лозунги начинают появляться гораздо позднее, во время кулацких восстаний, где они фигурируют в качестве камуфляжа подымающей голову контрреволюции.

Помимо доказательства от противного мы располагаем также непосредственными откликами солдат и крестьян по поводу роспуска УС по свежим следам событий. Наказы депутатам на III съезд Советов Великолуцкого уездного съезда крестьянских депутатов, солдат 132-й пехотной дивизии одобряли роспуск УС. Липецкий крестьянский съезд приветствовал III съезд Советов и выражал надежду, что съезд «в лице ЦИКа и Совнаркома поведет трудовой народ на борьбу с УС, *которое, не показав своей работы, хочет взять власть в свои руки*». Так же отнесся к роспуску УС 2-й Общесибирский съезд советов, отметивший «равнодушие трудовых масс к разгону УС, отражающего интересы имущих и мелкобуржуазных классов». С.-р. Малошицкий, член УС, приехавший на крестьянский съезд Могилевской губ. и с возмущением рассказывавший о разгоне УС, был встречен равнодушным молчанием всего съезда».

Организационная комиссия III Всеросийского съезда Советов крестьянских депутатов, открывшегося 12 января 1918 г., т. е. через неделю после роспуска УС, выяснила путем анкетного опроса отношение делегатов съезда к советским декретам, к УС и к уходу большевиков и левых с.-р. из УС. 419 анкет распределяются по роду ответов на вопрос об отношении к уходу большевиков и левых с.-р. из УС следующим образом [1]:

---

[1] АОР, фонд 1235, сер. А/6 III. Дела III Всероссийского съезда советов кр. депутатов 12/I 1918 г. Анкеты делегатов. Дела № 56—60.

Из 419 делегатов высказались против УС.

За уход большевиков и левых с.-р. из УС	377	
Против ухода	11	(В большинстве с.-р. или сочувств. с-р.)
Считают уход преждевременным	4	(В большинстве левые с.-р. или сочувств. им)
За новые выборы УС	1	
Не знали о факте ухода	13	
Дали неопределенные ответы или вовсе не дали ответов	14	

Делегаты съезда ярко отразили отношение масс к буржуазной демократии. Во всех анкетах, без исключения, делегат, положительно ответивший на вопрос о приемлемости советских декретов, высказывал одобрение роспуску УС.

Выразительность большинства ответов дает рельефное представление не только об отношении рабочих и солдат к УС, но и о их настроении. Отношение к УС, писали делегаты «отвратительное, недоверчивое, так как туда ушли нехорошие люди (буржуазия)», «УС должно состоять из Советов трудового народа». «Не доверять говорильне». «В таком составе не нахожу справедливым». «На УС не надеюсь». «Отношение как к приказчику—если хорошо работает, то пусть, а плохо—распустить». «Не приветствую до тех пор, пока не будут заседать лишь крестьянин, солдат и рабочий». «Солдаты не дают доверия УС и не ждут от него ничего хорошего». «Я сам за него вотировал сообща с партией с.-р., в настоящее время постараюсь, чтобы отозвать некоторых правых с.-р., потому что они оказались авантюристами». «При советской власти УС будет лишь тормозом». «Не признаю никого, кроме советской власти». «Вера в УС сильно поколеблена». «Презираю». «Все в прошлом».

Не менее выразительно отвечали делегаты на вопрос об отношении УС к уходу большевиков и левых с.-р. «Хладнокровно восхищены решительностью», писал один делегат. «Сочувственно и одобряем». «Раз упали с нашего горба мироеды, то раз навсегда». «Работать с саботажниками—значит затушить завоевания революции». «Там им (т. е. большевикам и левым с.-р.) делать нечего». «Иначе

они не могли и поступить». «Ему (УС) конец и проклятие». «Сердечно благодарим». «Смотрим радушно, что не допустили мироедам властвовать». «Оно (УС) умерло и слез не проливаю, похороните, на поминки не придем». «Нежелательно, чтобы работать в контакте с соглашателями». «Очень сочувствую разогнанию УС и вся власть должна быть Советам рабочих депутатов, а не буржуазным элементам». «Похвально». «Молодцы, что не хотят слушать буржуазию». «Браво, не место с ними было работать». «Хорошо сделали, что ушли, не схотели слушать буржуев». «Вечная память УС». «(УС) хотел жить грешно и умер смешно»...

Вряд ли нужно продолжать эти красочные лапидарные реплики, в изобилии рассыпанные по анкетным листкам. Передовые представители крестьянства и армии одобрили роспуск УС. Тактика большевиков была понятна и подтверждена массами.

13 января в «Бюллетене» Союза защиты появилось извещение председателя УС всем гражданам России:

«Дальнейшее обсуждение закона о земле, равно как рабочего вопроса и избрание делегации для осуществления постановлений УС по вопросу о мире, не могло состояться, так как вооруженные караулы, поставленные Советом народных комиссаров, силой воспрепятствовали открытию следующего заседания, назначенного на 6 января. Извещая об этом всех граждан Российской демократической федеративной республики, объявляю, что будут приняты все меры к скорейшему возобновлению занятий УС, прерванного преступным насилием. О месте и времени следующего заседания УС будет объявлено особо».

Читателям Бюллетеня так и не пришлось узнать о «месте и времени» работ УС. За день до опубликования обращения Чернова на III съезде Советов Россия была объявлена республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После 5 января УС прекратило свою деятельность навсегда.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Пролетарская диктатура ликвидировала буржуазную демократию 25 октября. Но социалистическая революция, как говорил когда-то Маркс, делает свое дело основательно. Как бы для большей наглядности история повторила это столкновение—почти формально, обеспечив лабораторную законченность ликвидации: 5 января по одну сторону баррикады стояла пролетарская диктатура, организованная в государство, по другую—УС—орган буржуазной демократии в ее наиболее развернутой классической форме.

Тактический опыт партии большевиков в УС сыграл большую роль. 5 января не было случайным, чуждым партии тактическим шагом. Оно завершало пятнадцатилетний путь большевизма в борьбе за диктатуру пролетариата—недаром остатки социал-демократизма в партии исчезают после роспуска УС: предметный урок 5 января начисто ликвидировал «парламентские» уклоны.

Отвечая Чернову на упрек в том, что большевики, разогнав УС, претворили в жизнь то, что было высказано Плехановым на II съезде РСДРП, Плеханов писал: «Очень наивно думать, будто влияние речи, произнесенной мной на нашем съезде 1903 г., побудило большевиков запереть двери Таврического дворца после первого же заседания собравшихся в нем депутатов. Разгон нашего УС подсказан был им не внутренней логикой тактики, освобожденной от безусловных принципов. Он подсказан был им внутренней логикой политического действия, совершенного ими в конце октября» [1].

Плеханов напрасно отделял 1903 г. от 1918 г. В действительности, партия, осуществляя разгон УС, стояла на той же позиции, которую занимал большевизм на II съезде. Не случайно аплодировавшие в 1903 г. словам

[1] «Наше единство», 11 и 13/1, 1918 г.

Плеханова большевики в 1918 г. разогнали УС, а шикавшие Плеханову меньшевики оказались вместе с самим Плехановым в лагере учредиловцев: в этой эволюции несомненно была своя внутренняя логика.

Значение партийного опыта в вопросе об УС переросло национальные рамки. Ленин не раз обобщал уроки этого опыта для международного пролетариата. Использование лозунга УС для мобилизации масс против буржуазии, разоблачение мелкобуржуазных иллюзий, связанных с УС, участие в выборах с целью облегчить политическое изживание буржуазного парламентаризма, выигрыш времени—«первого, по словам Маркса, условия для последовательной революции», наконец, разгон УС—вся эта практика вошла в железный инвентарь исторического опыта международного коммунизма.

Коммунистический Интернационал борется с международным оппортунизмом всех видов и оттенков, борется с социал-фашистами, используя опыт большевистской партии в вопросе об УС. «Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, писал Ленин в статье, посвященной урокам выборов в УС, учат «народ в издевку над учением Маркса: пролетариат сначала должен завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже на этой основе «последовательной» (иные говорят «чистой») демократии организовать социализм».

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, т. е. диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»[1].

В истории Октябрьской революции эпизод УС не имел самостоятельного значения, но сыграл в ней не малую роль.

После разгона УС мелкобуржуазные партии с.-р. и меньшевиков сходят на-нет. Остаются верхушечные группы бывших людей, изолированные, потерявшие какую бы то ни было опору в массах. 5 января нанесло сильнейший удар мелкобуржуазной идеологии с.-р. и меньшевиков.

[1] Ленин, Соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 448.

Лозунг УС для этих партий воплощал то же содержание, которое, по словам Маркса, мелкобуржуазные демократы 1848 г. вкладывали в идею братства (fraternité)—«благодушное абстрагирование от классовых противоречий, сантиментальное примирение противоречивых классовых интересов, фантастическое воспарение над классовой борьбой».

Политика эсеров и меньшевиков в вопросе об УС полностью разоблачила контрреволюционную, предательскую роль этих партий. На протяжении всего 1917 года эсеры и меньшевики, выполняя социальный заказ буржуазии, старались отодвинуть, сделать невозможным революционное разрешение поставленных в порядок дня вопросов. Одновременно лозунг УС использовался меньшевиками и эсерами для того, чтобы обеспечить в практической политике победу контрреволюции.

«Обман и неслыханное лицемерие»—так характеризовал Ленин позиции эсеров и меньшевиков в вопросе об УС.

В октябре 1917 года лозунг УС в руках партий Дана и Чернова стал лозунгом гражданской войны против победившей диктатуры пролетариата, лозунгом, организовавшим белогвардейскую контрреволюцию.

Под флагом «Вся власть УС» кадеты, калединцы вместе с меньшевиками и эсерами сплачивали и вели в бой силы реакции. Этот лозунг расчистил путь буржуазно-помещичьей генеральской диктатуре. Контрреволюционные кулацкие восстания 1918 года, Самарское учредиловское правительство, выпестовавшее Колчака и интервенцию, участие меньшевиков и эсеров в «Национальном центре» и «Союзе возрождения»,—вот вехи, отмечающие путь «чистой» демократии учредиловцев.

За дымовой завесой учредиловских лозунгов шли Колчак, Деникин, интервенты. К пониманию этой истины массы подошли после предметных уроков гражданской войны. «Середины нет»,—писал Ленин об уроках колчаковщины. «Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии, прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и пр., либо диктатура пролетариата» [1]. Мень-

[1] Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. XVI, стр. 306.

шевики и эсеры тесно сомкнулись с контрреволюционной белогвардейщиной.

Для пролетарской революции это сплочение сил противника сыграло положительную роль. Оно быстро ликвидировало колебания крестьянства и некоторых отсталых слоев рабочего класса в гражданской войне, провело четкий водораздел между революцией и контрреволюцией. Кристаллизация сил обоих лагерей укрепляла диктатуру пролетариата.

ОГЛАВЛЕНИЕ

